

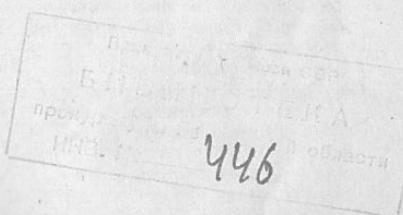
ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

2

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1950

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ СКОРИНЫ

В настоящем, втором выпуске методического пособия «Следственная практика» использованы материалы Всесоюзной методической конференции лучших следственных работников органов Прокуратуры. Одной из задач этой конференции являлся обмен опытом следственной работы.

Старший следователь Московской
городской прокуратуры
юрист 1-го класса
Э. А. МИРОНОВА

ХИЩЕНИЯ РАСКРЫТЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Борьба с хищениями социалистической собственности является одной из наших важнейших задач. Успешное осуществление ее требует не только наличия у следователя специальных знаний по бухгалтерии, но также проявления инициативы, творческой разработки плана каждого расследования по делам о хищении.

Следственная практика знает немало случаев, когда именно благодаря инициативе следователей, благодаря их энергии удавалось вскрывать весьма хитро завуалированные крупные хищения. Не редки также случаи, когда расхитителей удается разоблачить после тщательного изучения документов. Особое значение в этих случаях имеет самое глубокое исследование первичных документов, которым, к сожалению, не все следователи уделяют должное внимание, перелагая эту работу на экспертов-ревизоров.

Ярким примером успешного использования первичных документов может служить дело о злоупотреблениях в «Ростеаснабкостюме» — организации, призванной снабжать периферийные театры РСФСР различными материалами для оформления спектаклей. В Московскую городскую прокуратуру из Контрольно-ревизионного управления Министерства финансов поступил материал, который свидетельствовал о будто бескорыстной операции, совершенной неким Нужином, — в прошлом начальником Горьковского областного отдела искусств, к моменту ревизии работавшим в Москве. Этот Нужин, как явствовало из материалов ревизии, работая в Горьком, получил в канторе «Ростеаснабкостюма» по счету № 306 различных тканей триста восемьдесят три метра (на 11 896 руб.), но из театра своевременно не передал. Только год спустя, когда уже шла ревизия «Ростеаснабкостюма», какая-то неизвестная женщина сдала на склад Горьковского текомбината примерно такое же количество тканей, которое значилось в счете № 306.

Для нас было ясно, что речь может идти не о каком-то нарушении сроков оформления полученных товаров, — появление незнакомки в Горьковском текомбинате было сигналом о том, что по поручению Нужина заметаются какие-то следы. Надо было срочно действовать, ибо и в самом деле следы преступлений (в том, что они имеют место, мы не сомневались) могли исчезнуть.

В связи с этим нами был произведен обыск на квартире Нужина. К сожалению, это следственное действие не оправдало наших надежд: тканей или готовых костюмов из мануфактуры, подходящей по качеству и цвету к тем материалам, которые упоминались в счете № 306, у Нужина найдено не было. Нами была лишь взята юбка из голубого эпонжа, который упоминался в счете.

Нужин на допросе объяснил, что все материалы, полученные по счету № 306, он раздал артистам за наличный расчет, на вырученные деньги купил в Особоторге холст для Богородского театра, и этот театр, по его просьбе, перечислил стоимость холста, равную сумме счета (11 896 руб.), в кантору «Ростеаснабкостюма», — как за товары по счету № 306.

Проверяя эту версию, мы не были уверены, что она подтвердится. К нашему удивлению, Нужин не обманул:

4

сдача холста в Богородский театр и перечисление последним 11 896 руб. действительно имели место.

Возник естественный вопрос: зачем же все-таки неизвестная женщина сдала в Горьковский текомбинат мануфактуру, которая значилась в счете № 306?

Нужин и по этому поводу представил свои объяснения. Не будучи, мол, корыстно заинтересованным, он тем не менее не хотел отвечать за «финансовые нарушения» и поэтому решил «восстановить положение». К счастью, ему удалось купить на рынке часть тканей, аналогичных тем, которые упоминались в счете № 306; часть же тканей вернули артисты, не успевшие их использовать. Все эти ткани он с помощью своей родственницы и переотправил в Горький.

Что же касается юбки из эпонжа, то по этому поводу Нужин заметил, что такую ткань можно купить везде и вовсе не обязательно ее «брать» в «Ростеаснабкостюме».

Круг объяснений Нужина замкнулся. Казалось, в них не оставалось ни одного слабого места.

Одно слабое звено все же нашлось. Оказывается, в числе мануфактуры, сданной родственницей Нужина, было *два куска* сатина, длиною каждый в 50 м.

Это-то и опровергало заявление Нужина о том, что он покупал на рынке *отдельные отрезы* и что часть их вернули артисты.

Нужин был допрошен еще раз. Он понял, что просчитался, сдав пятидесятиметровые «отрезы». После некоторого размышления он заявил, что согласен рассказать правду, хотя подтвердить ее доказательствами не может и не уверен, что добьется такие доказательства сумеет следствие.

В своих объяснениях о действительных операциях с мануфактурой Нужин указал, что управляющий конторой «Ростеаснабкостюма» Прасолов — взяточник и без взятки товары у него получить нельзя. Отпуская хорошие материалы, Прасолов потребовал за это половину товаров по счету № 306 для себя, что он, Нужин, и вынужден был сделать. С Прасолова он получил их государственную стоимость. Часть товаров он раздал артистам за наличный расчет, а часть присвоил, в том числе и половину выписанного по счету эпонжа, из которого жена сшила себе костюм. Во время ревизии Прасо-

5

РЕПОЗИТОРИЙ ГУИ

лов, боясь «засыпаться», прислал к нему, Нужину, на квартиру примерно такие же товары, которые упоминались в счете № 306. Они и были сданы в Горький.

Возник вопрос, правдивы ли эти объяснения Нужина, если никакой недостачи мануфактуры на складе горьковской конторы ревизия не установила?

Считая, что наиболее вероятным способом скрытия недостачи могло быть незаконное списание расхищенных товаров на другие театры, причем именно такие, с руководителями которых Прасолов был связан и ранее по преступным операциям, я, явившись в контору «Ростеаснабкостюм», потребовала все бухгалтерские документы на отпуск товаров за год.

Тщательным их осмотром было установлено, что в период сдачи мануфактуры в Горький примерно такое же количество было выписано театру на Камчатке, затем фактура на эти материалы была аннулирована и ткани переписаны на Кемеровский театр, но и эта вторая фактура также оказалась аннулированной.

Кроме этих двух фактур, иных с количеством товаров, подходящих к счету № 306, не оказалось. Таким образом, путем фиктивного списания этой мануфактуры пропали.

Однако, анализируя расчеты конторы с периферийными театрами за период, предшествовавший сдаче мануфактуры в Горький взамен расхищенной по счету № 306, я обнаружила, что ряд отпущеных товаров почему-то оплачивался «Ростеаснабкостюму» периферийными организациями не через Госбанк, а почтовыми переводами. Особо широко практиковали такие незаконные расчеты Ногинский драмтеатр и Ивановский театр музкомедии.

Зная, что подобный способ расчетов создает возможность хищений, я проверила поступление товаро-материальных ценностей сначала в Ногинский, а затем в Ивановский театр. Оказалось, что товары, оплаченные почтовыми переводами, в эти театры не поступали!

Это обстоятельство давало возможность предполагать, что товары, не поступившие в Ногинский театр, похищены при участии Прасолова.

Установив, что почтовые переводы заполнены бывшим директором театра Шавелевым, который к этому времени работал директором Московского областного театра

6

юного зрителя, я проверила получение товаров и этим театром в период, наиболее меня интересовавший, т. е. к моменту погашения растраты по счету № 306. Оказалось, что Шавелев получал в «Ростеаснабкостюм» для театра юного зрителя товары и во время ревизии. Часть мануфактуры по качеству и метражу совпадала по некоторым наименованиям с указанной в аннулированных камчатской и кемеровской фактурах и с мануфактурой, сданной в Горький. Эта мануфактура не была оприходована в театре юного зрителя.

Таким образом, один из театров, за счет которого Прасолов частично погасил растрату товаров по счету № 306, был установлен.

Шавелев, изображеный документами, признал, что по требованию Прасолова передавал ему товары, оплачивая их почтовыми переводами, а затем принял частично бестоварную фактуру, выпущенную во время ревизии на театр юного зрителя.

С помощью Шавелева удалось установить, что Прасолов был в близких отношениях с некоей Файль. У нее немедленно был произведен обыск и изъят костюм из голубого эпонжа, идентичного изъятому у Нужина, а также мануфактура, хотя не соответствовавшая похищенной по счету № 306, но оказавшаяся вещественным доказательством других хищений.

В сумочке у Файль мною была найдена маленькая записочка с неразборчивой подписью следующего содержания: «Отчет и оформление по фотобумаге произведет Т. Каневский».

Эта, ничего не значащая, на первый взгляд, записка в дальнейшем помогла раскрыть хищение крупной партии фотобумаги, совершенное при участии Прасолова.

Поскольку приведенные обстоятельства объективно подтвердили правдивость показаний Нужина о привлечении к хищениям Прасолова,— последний был арестован.

Затем путем допросов товароведа и других работников конторы «Ростеаснабкостюм» были выявлены и остальные театры, куда Прасолов недослал товары, переданные Нужину для погашения растраты.

Кладовщик Филимоненков объяснил, что ни театру юного зрителя, ни другим театрам мануфактуру, выпи-

7

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

санную вначале на Камчатку, он не отпускал, а передал ее, по указанию Прасолова, работнику Московской филармонии — некоему Сидорову, который на допросе получение мануфактуры также признал, пояснив, что, по распоряжению Прасолова, отвез эту мануфактуру на квартиру к Нужину.

Эта операция свидетельствовала о том, что Сидоров являлся доверенным лицом Прасолова. Стало очевидным, что они и ранее были связаны совместной преступной деятельностью.

Действительно, расследование установило, что Сидоров, получив на фабрике «Красная Роза» шелк для «Ростеснабкостюма», на склад его не сдал, а присвоил. Прасолов с целью скрытия этого преступления Сидорова списал мануфактуру транзитным счетом на Московскую филармонию, где Сидоров ее стоимость погасил наличными деньгами по государственной цене, которая тогда была намного ниже рыночной.

Так, кроме Нужина и Щавелева, был изобличен и активный сообщник Прасолова по хищению — Сидоров.

Оставалось невыясненным, кем же расхищена мануфактура в Ивановском театре музкомедии, оплаченная почтовыми переводами, и что представляют собой операции с фотобумагой по записке, изъятой у Файль.

Развернутое в этом направлении следствие выявило, что большое количество мануфактуры, списанное Прасоловым и главным бухгалтером Веселовой транзитными счетами на Ивановский театр, туда не поступило, но было оплачено бывшим директором Кицисом и его заместителем Кашигиным.

Экспертизой было установлено, что почерк, которым заполнялись переводы, принадлежит завхозу театра Писанину. В это же время выяснилось, что в театре имела место кража 2400 м мануфактуры, которая была вынесена через окно балетной комнаты.

Милиция дело об этой краже прекратила за необнаружением виновных. Оказалось, что при выезде на место происшествия работники милиции не обратили внимания на одну важную деталь: чтобы открыть ставни в окнах балетной комнаты, нужно было или сломать засовы, закрывающие ставни, или же разрушить стену. Между тем ни того, ни другого сделано не было. Вот почему у нас

и возникла версия об инсценировке кражи. Она подтверждалась еще и тем, что печать на дверях не была повреждена, а у выхода из комнаты круглосуточно дежурил сторож.

Писанин, которым были заполнены почтовые перевозы, признался в хищении и разоблачил своих соучастников — Кициса и Кашигина.

Мануфактуру, по словам Писанина, они кипами развозили по квартирам и прятали в подпольях. 2400 м ткани, хранившейся в балетной комнате, расхитили Кицис и Кашигин, которые и инсценировали кражу.

Оставалось доказать причастность Прасолова к этим хищениям.

Было подозрительно, почему он отпускная Ивановскому театру товары сверх фонда, выписывал транзитные счета. Что заставило его совершать такие нарушения?

Расследование продолжалось, и причина была найдена. В документах о реализации мануфактуры довольно часто фигурировала фамилия некоего Быкова, получавшего ткани без доверенностей. Оказалось, что Прасолов фактически зачислил Быкова в число периферийных работников. Фактически же Быков там вовсе не работал, а проживал в Москве и использовался Прасоловым для выполнения «специальных» поручений.

Обращал на себя внимание странный способ оплаты расходов Быкова конторой. Однажды он предъявил от имени Краснодарского отдела искусств (где значился уполномоченным) счет на 32 000 руб. Уже после ареста Прасолова его заместитель Беренбаум наложил на этот документ резолюцию: «зачесть в счет взаимных расчетов». Такой же счет с подобной же визой также во время ревизии был предъявлен от имени Владимирского областного отдела искусств.

Сначала казалось маловероятным, чтобы злоупотребления совершились в конторе и во время следствия, но это, как показало дальнейшее, было именно так.

Выяснилось, что Быков получил для Краснодарского,

а затем и Владимирского отделов искусств 8000 м ткани. Личной проверкой на месте мною было установлено, что мануфактура ни во Владимир, ни в Краснодар не поступала.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМР

Все это было установлено уже после того, как Быков скрылся.

В порядке самокритики должна признать, что при его розыске я проявила излишнюю доверчивость к Беренбауму, назначенному вместо арестованного Прасолова управляющим конторой. Я просила его сообщить мне все, что ему станет известно о Быкове. Только впоследствии выяснилось, что после разговора со мной Беренбаум сразу же предупредил Быкова. Я не учла, что и Беренбаум, работавший совместно с Прасоловым, мог быть соучастником хищений.

БылипринятывсемерыкрозыскуБыкова.Тщательно допрашивая лиц, соприкасавшихся с ним, я установила, что Быков некоторое время жил в г. Александрове. Затем мне сообщили, что у Быкова в Москве есть знакомая Клавдия Федоровна, работавшая в одной из районных торговых организаций. Выяснилось, что фамилия Клавдия Федоровны — Романцева.

Соответствующему отделению милиции было поручено задержать Быкова в случае его появления у Романцевой. Однако работники отделения милиции формально отнеслись к моему поручению и сообщили мне, что Быков по указанному адресу не живет и там не бывает. Меня это не удовлетворило, и однажды ночью вместе с понятыми я явилась в квартиру Романцевой, где и застала Быкова. При обыске были изъяты весьма ценные доказательства хищений мануфактуры, совершенных Быковым, и его преступных связей с Беренбаумом, Прасоловым и другими преступниками. Здесь оказались и фиктивные справки о получении мануфактуры, документы с резолюциями Прасолова об аннулировании счетов, фиктивно выписанных Краснодарскому театру, и, наконец, командировочное удостоверение Быкову на поездку по СССР якобы для укомплектования ансамбля песни и пляски, подписанное соучастником хищений, начальником Владимирского отдела искусств Соколовым.

Этот документ, между прочим, устанавливал преступную связь Соколова с Быковым: за день до его подписания Соколов официально сообщил прокуратуре, что... принял все меры к задержанию Быкова, «обманувшего его доверие и причинившего ущерб государству».

Быков, изобличенный всеми этими доказательствами, на первом же допросе признал себя виновным в хищении 8000 м мануфактуры. Его соучастниками были Прасолов, Соколов, Кашигин и Беренбаум, которые получали от него крупные денежные суммы и снабжали его в свою очередь фиктивными документами о сдаче товаров, аннулировали счета и т. д.

На очереди стояла задача разоблачить бывш. директора Ивановского театра Кициса, оплачивавшего почтовыми переводами мануфактуру, не оприходованную в этом театре, о чем говорилось выше. К этому времени Кицис уже перебрался в Астрахань, где руководил театром музкомедии. Он приехал в Москву обжаловать приговор суда, осудившего его за злоупотребления с театральными билетами к пяти годам лишения свободы.

С помощью Контрольно-ревизионного управления Министерства финансов я установила, что Кицис и по Астрахани не сдал на 10 тыс. руб. мануфактуры, полученной из Москвы, и не отчитался в подотчетных 15 тыс. руб. По приезде в Москву Кицис остановился в гостинице «Балчуг», где я сразу же произвела у него обыск и изъяла еще часть документов Прасолова по аннулированию счетов на шелковые ткани.

Кицис вынужден был признать себя виновным в хищениях и рассказал о 120 м шелковых тканей, переданных Прасолову за фиктивные справки об аннулировании счетов, и о том, как лично он, Кицис, перепродавал мануфактуру оптовым спекулянтам.

В связи с арестом Кициса выявились преступления директора Астраханского театра драмы Лаврецкого, который получал товары по одним счетам, а сдавал их в театр по другим на ту же сумму, но в половинном количестве.

Астраханские дельцы «потянули» за собой зам. директора Ростовского театра комедии Печерского, который, находясь в Москве, производил, почему-то в качестве уполномоченного Ленинградской Академии художеств, реализацию фондов мануфактуры для Ленинграда. Роль Печерского была несколько скромней: он сумел украсть «всего» 400 м ткани, из которой 100 м к моменту ареста уже сбыл на рынке за 11 тыс. руб. Он красочно рассказал о взяточничестве Прасолова, о «дараах», которые он

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРФИ

лично привозил из Ростова руководителям «Ростеаснабкостюма».

Так как в деле появился еще ряд преступников из разных городов Советского Союза, много материалов пришлось выделить.

Интересно развернулся эпизод с фотобумагой.

Прасолов упорно отказывался объяснить, кто такой Каневский и какое он имел отношение к фотобумаге. Пришлось обратиться к документам. В бухгалтерии были найдены три акта о приемке фотобумаги от неких Кириллова, Румянцева и Грачева. Акты были составлены в один день, хотя бумага принималась ими в разное время. Вся фотобумага была списана на Саратовский текомбинат, и получила ее по доверенности представитель последнего Тарасов. Проверка показала, что в комбинат поступила не вся фотобумага. Арестованный Тарасов утверждал, что хотя он и расписался за все количество фотобумаги, но получил от Прасолова только ее часть. Прасолов это обстоятельство отрицал, заявляя, что Кириллов и Румянцев — случайные люди, ездившие по его, Прасолова, заданию на фабрику в Ленинград за фотобумагой, но кто они такие, — он не помнит.

Изъятие соответствующих документов на ленинградской фабрике не разрешило вопроса, так как все эти документы были оформлены на имя тех же Грачева, Кириллова и Румянцева.

В дальнейшем шаг за шагом удалось установить, что необходимый для изготовления фотобумаги желатин был получен по ходатайству дирекции одного театра, якобы вновь организованного в Москве. Однако оказалось, что такой театр давно расформирован. Его директором к моменту ликвидации был тот самый Каневский, который упоминался в таинственной записке, найденной мною в сумочке Файль.

Разыскав Каневского, я сделала у него обыск и нашла уличающие документы.

Каневский заявил, что имел лишь случайное отношение к получению фотобумаги, но никакой корысти при этом не преследовал. А через несколько дней после этого графическая экспертиза установила, что подписи от имени Румянцева и Кириллова выполнены Каневским.

Он сразу же был арестован.

Затем был разыскан и Грачев, который, как оказалось, писал записку, изъятую у Файль.

На последующих допросах выяснилось, что Каневский, Просолов и Тарасов при участии работника Комитета по делам искусств Викулина, похитив фотобумагу, реализовали ее.

Так закончилось расследование последнего эпизода по этому делу.

* * *

Несколько короче остановлюсь на деле о крупном хищении овощей на плодоовощной базе Москворецкого районного треста столовых.

Для окончания расследования ко мне из ОБХСС поступило дело по обвинению бывш. директора плодоовощной конторы Москворецкого районного треста столовых Поздняковой и ряда лиц, подчиненных ей по службе.

Позднякова и ее соучастники (14 человек) были арестованы за незаконный отпуск картофеля и овощей в количестве 20 т районным организациям, не входящим в систему треста, и за списание их по бессторонним накладным на столовые, где овощи проводились в расход фиктивными калькуляциями на изготовление обезжиренных блюд. Корыстной заинтересованности ни у Поздняковой, ни у других обвиняемых следствием в то время установлено не было.

После повторного допроса обвиняемых меня насторожило поведение Поздняковой: легкость, с которой она признавала себя виновной, и ее настойчивые просьбы скорее закончить дело были крайне подозрительны.

Эти сомнения вскоре подтвердились при тщательном расследовании образа жизни Поздняковой. Я выяснила, что за последнее время, при общем ежемесячном зарплате семьи в 1500 руб., она купила много ценных вещей. Кроме того, она приобрела дачу под Москвой за 185 тыс. руб. Однако никаких данных о совершении ею хищений или обнаружении у нее недостач не было. Так же, как и по делу Прасолова и его сообщников, пришлося обратиться к изучению документов базы.

Проверяя и изучая документы за последние годы, я обратила внимание на часто встречавшуюся в накладных фамилию Шляковой, которая получала картофель и

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРФИ

овощи (по 1—2 т) для самых различных организаций (Институт востоковедения, Институт цветных металлов и др.). Доверенности на эту фамилию были заполнены одним и тем же почерком, похожим на почерк Поздняковой.

Другая группа документов на бланках различных учреждений была написана также одним почерком какого-то неизвестного лица. Проверка показала, что овощи, полученные по этим документам, туда не поступали, что Шлякова в этих организациях не работала и никто ее там не знает. Деньги за овощи во всех случаях поступали в кассу базы наличными от неизвестных лиц. Не внесла в это дело ясности и Позднякова, категорически отрицавшая знакомство со Шляковой и свою причастность к этим операциям, хотя графическая экспертиза установила, что доверенности на имя Шляковой написаны Поздняковой.

Долгое время не давали результаты мои попытки установить, чьим почерком написана другая группа доверенностей. Представители нескольких организаций, признав штами на документах, отрицали как выдачу доверенностей, так и получение овощей.

Просматривая личные дела сотрудников этих организаций, а также лиц, работавших в домоуправлении № 38, где проживала Позднякова, я наконец при помощи графической экспертизы установила, что доверенности были написаны бухгалтером домаупраления Федотовой. Последняя на допросе рассказала, что доверенности от разных организаций она составляла по просьбе Поздняковой, передававшей ей чистые бланки.

В стадии расследования я установила, что года два тому назад Министерство госконтроля при ревизии деятельности этой же плодоовощной конторы выявило подлоги на мелкооптовой базе и акт об этом направило в городскую прокуратуру. Это дело было найдено в архиве прекращенным за нерозыском заведующей базой Поздняковой.

Нужно отметить, что, как оказалось, следователь ограничился справкой Поздняковой о выбытии Поздняковой в Краснодар и не нашел нужным проверить это обстоятельство, исключив, очевидно, возможность заинтересованности Поздняковой. Весь материал был им на-

правлен в Краснодар, откуда дело после длительного путешествия вновь возвратилось в Москву с сообщением, что Полякова в Краснодаре не проживала и не проживает. После этого дело было сдано в архив.

На сей раз розыском Поляковой заниматься не пришлось, так как она уже находилась под стражей за приемку бесхвостых накладных от Поздняковой.

Так началось расследование о хищении на одном из складов, бывших в ведении у Поздняковой.

Одна из работниц мелкооптовой базы, Попова, рассказала, что по распоряжению Поздняковой у Поляковой часто получали овощи и фрукты без документов несколько женщин, в том числе Полина Шлякова, проживающая где-то в Коломенском, ее родственница, по имени Шура, и их знакомая, по имени Тоня.

Сразу же начались розыски Шляковой, которая, как я указывала, получала овощи и на других складах, но по фиктивным документам. Нигде не работавшая Шлякова была задержана и после очной ставки с Поповой признала, что по поручению Поздняковой сбывала картофель, овощи и фрукты на Даниловском рынке. Шлякова показала, что в торговле ей помогали ее родственница — Александра Шлякова и подруга ее дочери Васильева. Вырученные деньги (от 2 до 4 тыс. руб.) она ежедневно сдавала Поздняковой.

Шлякова указала и кладовщиков, у которых наиболее часто получала овощи — Морозову, Баулину, Зайцеву, Тюрину и Полякову. Александра Шлякова подтвердила эти показания, а Васильева отрицала. Опять пришлось вернуться к доверенностям. Среди них встретились выписанные и на имя Васильевой. Графическая экспертиза установила, что именно ей принадлежат подписи на этих доверенностях.

Допуская возможность отказа Шляковой от своих показаний (что и случилось в суде!), я допросила большое число сотрудников конторы, которые после предъявления им Шляковой показали, что она им известна как частная посетительница служебного кабинета Поздняковой. Нашлись свидетели, видевшие Шлякову на Даниловском рынке при продаже овощей. На предварительном следении Шлякова изобличила Полякову, Позднякову и других своих соучастников.

Не обнаружив в некоторых складах базы фиктивных накладных на имя Шляковой и др., но располагая показаниями о хищении овощей и там, я оказалась в затруднительном положении, так как кладовщики свою вину отрицали. Пришлось приступить к изучению документов на списание отходов, на закладку капусты в дошики, на выход квашеной капусты, организовать специальную экспертизу, проверить свиносыхозы, куда сдавали гнилые овощи. Выяснилось, что по некоторым складам из 100 т свежей капусты получалось квашеной капусты лишь 23—25 т, остальное выбрасывали, причем иногда якобы закапывали в землю сразу по 15—20 т отходов.

Я предложила товароведу Рошину указать места, где закапывались отходы, чтобы начать там «раскопки». В ответ на это он признал фиктивность всех документов на списание отходов.

По обстоятельствам дела возникло предположение о том, что часть овощей могла сбываться Поздняковой прямо с места их прибытия, без завоза на склад. Я просмотрела все путевые листы шоферов транспортной конторы, обслуживавших Позднякову, но рейсов в иные места, кроме складов, не обнаружила.

Тогда я приступила к допросу шоферов. Один из них, Васильченко, показал, что, помимо складов, он возил овощи и в какую-то организацию в Кисловском переулке. Васильченко указал, где именно находится эта организация. Это была артель «Прикладное искусство», сотрудники которой признали получение от Поздняковой без документов нескольких тонн овощей.

Работница Сафонова, сопровождавшая машины, подтвердила вручение кладовщику одного из складов конторы — Морозовой вместо овощей бестоварных накладных. Признала это и Морозова, заявившая, что по распоряжению Поздняковой списала не доставленные к ней на квашение 17 т капусты.

После допроса шоферов гаража Монетного двора (где работал муж Поздняковой) один из них, Макаров, указал ряд адресов, куда отвозились овощи, в том числе дачу Поздняковых на станции Сходня Октябрьской ж. д. Соседи по даче рассказали о продаже овощей на рынке Нюор — домработницей Поздняковых. Нюора также признала себя виновной в сбыте овощей.

16

В таком, примерно, плане расследовались эпизоды по всем 13 складам. К уголовной ответственности по этому делу было привлечено 30 расхитителей, их пособников и недонасчителей. Всех их суд признал виновными и приговорил к соответствующим мерам наказания.

* * *

С точки зрения важности глубокого изучения первичных документов наглядным является еще одно дело, расследованное мною. Оно было возбуждено в связи с заявлением, с которым в прокуратуру обратился художник Мазанов, работавший в производственных мастерских Краснопресненского районного отдела народного образования г. Москвы. Художник жаловался, что директор мастерских Канцель и начальник цеха Мамошин систематически вымогали у него взятки за предоставление работы и что все возрастающие в этом направлении требования их он удовлетворять не в состоянии.

Мазанов в беседе со мной высказал предположение, что Канцель, его заместитель Шиферсон и упоминавшийся Мамошин используют мастерские для частных работ.

Подробно допросив Мазанова, я составила план расследования. Представлялось целесообразным начать его с одновременных обысков у Канцеля, Шиферсона и Мамошина, — как на их квартирах, так и в служебных кабинетах. Вместе с тем я решила организовать подсчет денег в кассе. Само собой разумеется, в план была включена операция по опечатыванию всех документов. Для проведения ревизии был приглашен представитель Контрольно-ревизионного управления Министерства финансов.

Всё, намеченное планом, было осуществлено, и я получила ценные данные о преступной деятельности группы дельцов, орудовавших под фирмой государственного учреждения.

В кассе мастерских мне удалось изъять расписки Канцеля, Шиферсона, Мамошина и других «деятелей» в получении различных денежных сумм. Нашлось несколько ведомостей на выплату денег (впоследствии выяснилось, что они подложные). В рабочем столе Канцеля я обнаружила большое количество записей и заметок об

17

2 «Следственная практика», вып. 2.

РЕПОЗИТОРИЙ ГАРАНТИИ

изготовлении разнообразной продукции, несколько неоплаченных ведомостей и другие документы. У Мамошина на квартире также нашлись неоплаченные ведомости, расписки Шиферсона в получении денег и наряды на производство различных работ.

Первоначальные допросы Канцеля, Шиферсона и Мамошина не вскрыли особенностей этого дела и свелись лишь к тому, что получение денег в кассе было объяснено как аванс в счет зарплаты и как получение денег для закупки фанеры, необходимой для нужд мастерских. Однако после ознакомления со структурой мастерских мне стали ясными незаурядные коммерческие «способности» Канцеля и его соучастников.

Было крайне характерно, что мастерские при утвержденном штате из двух человек (директор и главный бухгалтер), при очень скромных по балансу средствах производства — всего 500 руб., фактически, по спискам имели 400 сотрудников, а оборот средств только за 10 месяцев составил около 1 млн. руб.

Уже одно это определило необходимость сразу же установить, для чего нужен был такой большой штат работников и что же представляла собой в действительности производственная деятельность этого предприятия.

По решению районного Совета мастерские были организованы для ремонта школ, размещенных в районе. Для этой цели мастерским и были выделены оборотные средства — 75 тыс. руб.

Практически функции мастерских состояли в том, что школы передавали им средства на необходимый ремонт, затем мастерскими закупались стройматериалы, а по окончании ремонта школам выписывался счет, причем в оборотные средства отчислялся определенный процент.

Таким образом, предполагалось, что за счет этих отчислений должны будут возрастать оборотные средства мастерских.

Ревизия не установила в мастерских хищений. Она выявила лишь, что целевое назначение предприятия (ремонт школьных помещений) оправдано только на одну десятую, а оборотные средства в основном затрачены на выполнение внеплановых, самых разнообразных работ (изготовление значков, увеличение портретов и т. п.). В конечном счете предприятие оказалось в крайне тяже-

18

лом финансовом положении и с большой задолженностью (160 тыс. руб.).

Тогда я решила лично тщательно ознакомиться, во-первых, с документацией, характеризующей состав людей, работавших в мастерских, денежными расчетами с ними, и, во-вторых, с материалами о характере изготовленной продукции и с порядком ее реализации.

Такое изучение дало мне возможность обнаружить ряд документов, внешне как будто бы правильно оформленных, но впоследствии оказавшихся фиктивными и составленными исключительно с целью скрыть хищения денежных средств, широко практиковавшихся в мастерских.

В числе документов я обнаружила ведомость на выплату гр-ну Мацаха 2600 руб. за изготовление стандартной вывески для столовой № 444 и жене Мамошина 2000 руб. за эскиз этой вывески. Сравнивая подписи Мацаха в ведомости и на выписанном ордере, я убедилась, что между этими подписями нет никакого сходства; не менее подозрительно выглядела и выплата 2000 руб. за «эскиз» вывески из двух слов без всякого художественного оформления.

Обнаружила я также две ведомости, составленные — одна в 1947 г., а вторая в 1948 г. на выплату бригаде художника Кузина 35 тыс. руб. за изготовление в красках портретов писателей.

При тщательном осмотре этих документов оказалось, что:

а) оба они хотя и датированы разными месяцами и годами, но написаны одним почерком, однородными чернилами, а расписки хотя и от имени разных лиц, но (как это было очевидно и при беглом осмотре) выполнены одним почерком;

б) обратную сторону наряда к ведомости за 1947 г. составляла половина заполненного «прейскуранта на фотопродукцию», наряд же к ведомости за 1948 г. был составлен на обратной стороне другой половины этого же прейскуранта.

Соединение разорванных половинок прейскуранта показало их полнейшее и специфическое совпадение (неровность разрыва, продолжение текста с одной половины прейскуранта на другую и т. п.).

19

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМР

Отсюда логически следовал вывод, что оба наряда были составлены одновременно, и именно в 1948 г., а не в 1947 г., так как фабрикация подложного документа для его использования через год казалась маловероятной.

Помимо платежной ведомости на выплату денег за изготовление простейших вывесок жене Мамошина, Билькину и др.— эти же лица фигурировали, как исполнители «высокохудожественных портретов» и в других платежных документах.

Оддельные платежные ведомости сразу же при осмотре экспертами были признаны фиктивными, так как, помимо выплаты денег на основании исполненных нарядов, эти же выполненные работы повторно или даже дважды оплачивались и по другим ведомостям, выпущенным на основании трудового соглашения или калькуляции.

При тщательном сопоставлении оплаченных ведомостей вызывала подозрение выплата одним и тем же лицам при сдельном заработке, в разное время сумм, совпадавших одна с другой не только в сотнях или в рублях, но даже и вкопейках.

Для проверки всех этих обстоятельств мне пришлось допросить около 200 человек, получавших деньги в мастерских. В результате этих допросов были выявлены и установлены многочисленные факты расхищения денежных средств путем подделки подписей, составления фиктивных ведомостей и так называемых «двойных» оплат одной и той же работы.

Под давлением всех этих улик Канцель признался сначала в фабрикации документов, а затем и в расхищении около 100 тыс. руб.

Но таким образом ясность была внесена только в вопрос о хищении. Впереди стояла другая, не менее трудная задача — установить характер производства в мастерских.

Задача осложнялась тем, что на сей раз я уже не располагала какой-либо обширной документацией о деятельности Канцеля, так как его «частные» операции не отражались по бухгалтерии и о них свидетельствовали только записки, изъятые во время обысков.

Было ясно, что эта сторона дела может быть раскрыта только следственным путем с последующим за-

20

креплением документами и иными вещественными доказательствами.

С этой целью я разделила всех лиц, значившихся в списках мастерских, на такие группы:

- а) лица, имевшие крупные заработки,
- б) лица, которые числились, но не получали денег,
- в) лица, получавшие зарплату, но не числившиеся по списочному составу.

Такое деление предопределяло специфику допроса участников той или иной группы и помогало мне правильно, в соответствии с документами, произвести допрос.

В итоге одни свидетели признавали, что они привлекались как подставные лица для оформления крупных выплат, а фактически получали незначительные суммы; другие — что вся их работа состояла в сбыте за процентное вознаграждение изготовленной частным путем в мастерских продукции и передаче «выручки» Канцелю и Шиферсону, и т. п.

Характерно, что такие «уполномоченные» курсировали почти по всем городам Советского Союза, все расчеты с «хозяевами» производили наличными деньгами и предъявляли на это частные расписки Канцеля и его соучастников.

Как установлено следствием и судебно-бухгалтерской экспертизой, за год Канцель, Шиферсон и их многочисленные сообщники расхитили в мастерских несколько сот тысяч рублей государственных средств.

* * *

Успешное расследование указанных трех дел, разоблачение крупных групп расхитителей социалистической собственности удалось осуществить в результате правильной и оперативной организации следственных действий, в частности, благодаря продуманному и подготовленному плану, своевременному и тщательному производству обысков, предварительной подготовке к допросам, правильной их методике и т. п.

Однако при всем этом особое значение имела работа с первичными документами, т. е. своевременное их изъ-

21

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРФИ

ятие, вдумчивое изучение и правильное использование в процессе расследования.

Именно эта работа помогла мне в основном решить наиболее трудные вопросы по приведенным делам; в частности:

по делу *Прасолова и др.* — а) изучение первичной документации и сопоставление ее с ассортиментом мануфактуры, сданной в погашение растраты, опровергнуло версию Нужина об источниках получения сданных материалов; б) проверка расчетов за товары в конторе «Рос-теснабкостюм» и в периферийных театрах (почтовые переводы) позволила вскрыть хищение ценностей как в конторе, так и на местах; в) изучение бухгалтерских документов в сопоставлении с обнаруженной при обыске у Файль записки помогло выявить злоупотребление с фотографией;

по делу *Поздняковой и др.* — а) тщательным осмотром в бухгалтерии плодовоощной базы накладных на отпуск овощей и довереностей удалось выявить одного из основных расхитителей — Шлякову, а также ее соучастников, а затем изобличить их в хищении; б) исследование первичных актов на списание отходов капусты на складах установило сначала фиктивность этих документов, а затем и факт составления их для скрытия хищений;

по делу *Канцеля, Шиферсона и др.* — а) своевременное и одновременное изъятие документов и производство обысков обеспечили получение первоначальных доказательств о явном неблагополучии в мастерских; б) осмотр и изучение денежной документации дали возможность по изъятым в мастерских ведомостям установить подлоги, а затем и хищения; в) разделение на основе первичных документов людей, работавших в мастерских, на специфические группы, с одной стороны, оказалось полезным для определения правильной методики допросов, а с другой — для выявления ассортимента, количества и качества изготавляемой частным порядком продукции.

Старший следователь
прокуратуры г. Ленинграда
юрист 2-го класса

A. V. ДУЛОВ

ОПЫТ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЫПУСКЕ НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННОЙ, НЕКОМПЛЕКТНОЙ И НЕСТАНДАРТНОЙ ПРОДУКЦИИ

В нашей стране вопросам качества продукции придается огромное значение. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции расценивается как противогосударственное преступление, равносильное вредительству.

Учитывая важность борьбы с такого рода преступлениями, следственный отдел прокуратуры г. Ленинграда создал специальную бригаду для расследования дел, связанных с выпуском недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции.

Создание такой бригады, конечно, не исключало возможности ведения дел этой категории и другими следователями. Эта же бригада должна была расследовать наиболее сложные преступления. Ее задачей было накопление опыта в расследовании таких дел.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ

Бригадой было расследовано значительное количество дел о выпуске недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции на ряде крупных заводов. Расследовали мы также дела, связанные с выпуском недоброкачественной продукции предприятиями местной промышленности и промкооперации.

Для того чтобы наиболее четко описать применявшуюся нами методику, я разделяю весь процесс расследования на три этапа:

первый — установление факта выпуска предприятиями недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции;

второй — установление причин выпуска такой продукции;

третий — установление конкретных виновников и степени ответственности каждого из них.

Такое разделение расследования на три самостоятельных этапа, конечно, условно.

В нашей практике не было ни одного случая, когда бы не пришлось провести ряд следственных действий, направленных к тому, чтобы с достаточной ясностью и с предельной точностью доказать, что выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции имел место в действительности. После ознакомления с материалом всегда возникает необходимость ознакомиться с процессом производства на том предприятии, на котором имел место выпуск этой продукции.

Выезды на заводы в самом начале расследования мы практиковали во всех без исключения случаях и включали их в план расследования обязательным пунктом.

На заводе мы производили подробный осмотр всего цикла производства. Это ознакомление с производством требует не меньшей тщательности, чем осмотр места происшествия, например, при обнаружении трупа.

Некоторые следователи переоценивают роль технической экспертизы при расследовании этой категории дел, считая, что только она компетентна разобраться во всех вопросах. Наш опыт расследования еще раз привел нас к уже известному выводу, что основная роль в анализе всех доказательств, — лишь только одним из которых является техническая экспертиза, — принадлежит следователю.

Первым делом мы устанавливали, какая продукция должна выпускаться предприятием. С этой целью мы знакомились с государственными или общесоюзными стандартами на тот вид изделий, в отношении которых имеется сомнение в их доброкачественности, комплектности и соответствия стандарту. Кроме ГОСТов, мы интересовались чертежами, техническими условиями или техническим описанием изделия, — ознакомление с этими документами уже дает определенное представление о том, какой должна быть продукция.

Во всех делах мы тщательно устанавливали, какое же количество недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции вообще было выпущено данным предприятием.

Насколько серьезен этот вопрос, я постараюсь объяснить на конкретном примере.

Ленинградская зеркальная фабрика получила с завода «Трубосталь» одну тонну труб. Все полученные трубы, общим количеством 150 штук, в нарушение стандарта, были без муфт.

Завод «Трубосталь» ежемесячно выпускал десятки тысяч штук газовых труб, и на основании выпуска 150 труб без муфт нельзя было решать вопрос о степени ответственности директора завода, главного инженера и начальника ОТК.

Поэтому при расследовании этого дела была проведена очень большая работа по проверке продукции у потребителей завода «Трубосталь». Эта проверка установила, что в течение 1947—1948 гг. завод «Трубосталь» выпустил значительную часть труб без муфт.

Теперь уже наглядно было видно, что завод «Трубосталь» действительно систематически выпускал некомплектную продукцию.

На этом же этапе работы мы обыкновенно занимались установлением местонахождения недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции.

В тех случаях, когда возникал какой-либо спор у завода-изготовителя с заказчиком или Торговой палатой в отношении правильности определения недоброкачественности этой продукции, мы назначали судебно-техническую экспертизу.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУИ

Тогда, когда факт недоброкачественности продукции был ясен, мы отбирали вещественные доказательства, которые приобщали к делу. Этот отбор вещественных доказательств мы в основном производили в присутствии эксперта и заинтересованных лиц от завода-изготовителя, которые также подписывали протокол осмотра зараженной продукции и отбора вещественных доказательств.

В некоторых случаях, когда вещественные доказательства по своему объему или другим особенностям не могли быть изъяты и приобщены к уголовному делу, мы практиковали фотографирование их и приобщали к делу фотоснимки с соответствующими протоколами.

Когда установлена недоброкачественность, установлено общее количество выпущенной недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции, обнаружены и отобраны вещественные доказательства, можно считать, что первый этап работы по делу закончен.

Разрабатывая схему установления факта недоброкачественности продукции, мы исходили из принципа непогрешимости наших основных данных, т. е. стандартов, чертежей и технических условий. Однако на практике встретились случаи, которые расходились с этим принципом.

Один из магазинов Ленмебельторга получил партию кастрюль, изготовленных на заводе отдела местной промышленности Ленгорисполкома.

Внешний вид кастрюль был вполне удовлетворительным, и работники торговли не без основания рассчитывали, что такой товар у них недолго залежится и найдет широкий сбыт. Когда же стали внимательно рассматривать эту продукцию, то оказалось, что и кастрюли и их ручки сделаны из такого мягкого металла, что если налить воду и поднять кастрюлю за ручку, то последняя моментально согнется.

В магазин немедленно был вызван эксперт Торговой палаты, который, конечно, признал всю партию кастрюль браком. В результате материала попал в прокуратуру. Оказалось, что кастрюли изготавливались в полном соответствии с техническими условиями. Кастрюли были сделаны из такого же металла, как это указано в технических условиях, толщина его тоже соответствовала толщине, указанной в этих условиях. А раз продукция соот-

ветствует техническим условиям, — она не является браком. Следовательно, бракоделом является тот, кто составил и утвердил эти технические условия, т. е. работники отдела местной промышленности.

В дальнейшем мы столкнулись еще с несколькими аналогичными случаями недоброкачественности технических условий, которые затем приводили к массовому выпуску недоброкачественной продукции.

Так, тем же отделом местной промышленности были утверждены технические условия на амбарные замки, которые выпускал промкомбинат Ленинского района г. Ленинграда. Эти технические условия также были дефектны, и в результате этого промкомбинат выпускал недоброкачественную продукцию в большом количестве.

Я привел эти примеры для того, чтобы наглядно показать, как дефектность технических условий может иногда повлиять на выпуск в массовом количестве недоброкачественной продукции. Возможность такого случая всегда должен иметь в виду каждый следователь, расследуя дело о выпуске недоброкачественной продукции. Надо еще иметь в виду, что предприятия местной промышленности и промкооперации в основном работают не по общесоюзным стандартам, а по техническим условиям и образцам, утвержденным своей вышестоящей организацией или торгующей организацией.

В некоторых случаях истребование образцов обязательно для установления факта несоответствия выпущенной продукции утвержденному образцу.

Следующий этап расследования по этой категории дел сводится к установлению причин выпуска предприятиями недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции.

Важность проведения этого этапа можно увидеть на следующем расследованном нами деле, где было установлено большое количество причин выпуска недоброкачественной продукции.

Литейно-механический завод в течение довольно продолжительного времени поставлял Ленжилуправлению недоброкачественные сальниковые краны, краны с двойной регулировкой, шведские ключи, шпингалеты, долота и т. д.

Такая поставка недоброкачественной продукции Ленжилуправлению существенным образом отражалась на ходе восстановления и ремонта ленинградских зданий, так как Литейно-механический завод являлся монопольным поставщиком перечисленной продукции.

Факт недоброкачественности всей перечисленной продукции с достаточной полнотой был установлен актами экспертизы Торговой палаты и междуведомственной комиссии Ленгорисполкома. Да и сами работники завода не отрицали, что их продукция не может быть использована по назначению. Так, например, у «шведских» клюп-чай, изготовленных на заводе, при эксплуатации отламывались губки. Проходные краны, после того как они были установлены на магистрали, давали течь. У кранов двойной регулировки вообще невозможно было повернуть ручку регулятора.

Расследуя это дело, мы начали подробно проверять весь ход процесса изготовления каждого вида забракованных изделий.

Начали мы с сальниковых кранов. Было установлено, что отливки для этих кранов Литейно-механический завод получает с другого завода, производя у себя только механическую их обработку, испытание корпусов и сборку.

Первым делом мы поставили перед собой вопрос — доброкачественно ли литье, из которого на заводе изготавливают краны?

С целью проверки качества литья был допрошен ряд работников ОТК, начальник и рабочие механического цеха, где производилась механическая обработка отливок. Все они подтвердили, что качество литья было исключительно низким: в литье имелось большое количество раковин и пор, которые видны были даже при внешнем осмотре.

Рабочие показывали, что они неоднократно на собраниях и в личных беседах говорили директору и главному инженеру завода об исключительно неблагополучном положении с литьем. Однако все эти сигналы оставались без внимания, литье попрежнему поступало плохого качества.

Таким образом мы уже в самом начале нашли одну из причин выпуска заводом недоброкачественных кра-

нов и установили, что руководство завода не принял никаких мер к устранению этой причины.

Проверкой документов бухгалтерии Литейно-механического завода и на заводе, изготавливающем литье, было установлено, что никаких рекламаций о плохом качестве литья или хотя бы писем об этом дирекция Литейно-механического завода ни заводу-поставщику, ни в вышестоящие организации не писала.

Тогда возник еще один вопрос — какой порядок приема литья существовал на Литейно-механическом заводе?

Оказалось, что согласно положению все поступающие на завод материалы и полуфабрикаты должны проверяться работниками ОТК. В действительности же они этого никогда не делали, а для того чтобы формально соблюдать существующее положение, начальник ОТК писал в накладных, что материалы просмотрены ОТК.

Из стандарта на сальниковые краны было видно, что эти краны надлежало испытывать на заводе под давлением в 16 атмосфер и только после этого они могли быть выпущены с завода. Следовательно, если бы краны испытывались на заводе в действительности, то полностью исключалась бы возможность выпуска заводом недоброкачественной продукции из-за плохого литья.

Оказалось, что из-за некачественности литья главный инженер завода дал указание производить испытание кранов под давлением не в 16 атмосфер, а всего лишь в 4 атмосферы. Выпускалась же с завода продукция, как будто бы испытывалась под давлением в 16 атмосфер.

Вот все эти вместе взятые причины и привели к масштабному выпуску с Литейно-механического завода недоброкачественных и нестандартных сальниковых кранов.

Параллельно мы устанавливали причины выпуска и других недоброкачественных изделий. Так, оказалось, что по существующему технологическому процессу краны двойной регулировки в том случае, если они после испытания дают течь, должны разбираться, заливаться жидким стеклом, а затем вновь испытываться в собранном виде. Однако все тот же главный инженер завода решил внести упрощения в технологический процесс и дал указание производить заливку кранов жидким стеклом в собранном виде.

Такое изменение технологического процесса привело к тому, что ни один кран двойной регулировки, установленный на магистрали, невозможно было повернуть, так как жидкое стекло застыло и накрепко связало все трущиеся части.

И в данном случае было установлено, что контролеры ОТК принимали продукцию исключительно по ее внешнему виду, ни разу не проверив возможности регулирования кранов и не вникая в другие тонкости, так как ни чертежей, ни технических условий на выпускаемую продукцию контролеры не имели. Не имели контролеры и мерительного инструмента, хотя неоднократно ставили об этом вопрос перед дирекцией завода.

При расследовании причин выпуска недоброкачественных долот было установлено, что вместо стали марки У-8, из которой должны были изготавливаться долота согласно техническим условиям, по распоряжению директора завода, в связи с отсутствием на заводе стали надлежащей марки, долота начали изготавливать из стали марки У-12, которая отличается большой хрупкостью.

Также из стали ненадлежащей марки изготавливались «шведские» ключи, которые в результате этого ломались.

В связи с отсутствием материала на пружины, шпингалеты выпускались без пружин — в нарушение чертежей и требований стандарта, что привело к возврату заказчиком обратно всей партии этих незатейливых приборов.

В процессе расследования было установлено, что в силу исключительно плохой организации труда завод систематически не выполнял план выпуска готовых изделий. Для того чтобы скрывать невыполнение плана, директор завода и начальник производства мошеннически завышали выполнение плана, заставляя оформлять накладные на неизготовленную еще продукцию, с тем чтобы эта продукция была изготовлена в первые дни следующего месяца. Однако в следующем месяце старую задолженность восполняли как-нибудь, только бы скорее от нее отделаться. ОТК давалось указание принимать эту продукцию без придирок к дефектам, пропускать всё беспрепятственно.

Таким образом, только на примере расследования

этого уголовного дела имеется возможность сделать вывод о том, что причинами брака может быть:

1) получение заводом-изготовителем недоброкачественного полуфабриката, в результате чего вырабатываемая продукция также являлась браком;

2) отсутствие контроля при приемке материалов и полуфабрикатов;

✓ 3) использование материалов иного качества, чем это предусмотрено техническими условиями или ГОСТом;

✓ 4) отступление от утвержденного технологического процесса;

5) изменение этого технологического процесса в сторону ухудшения или снижения требований при межоперационном контроле;

✓ 6) незаконное отступление от чертежей изделия;

✓ 7) отсутствие у работников ОТК технических условий, чертежей, мерительного инструмента;

8) приписка к плану и, как следствие этого, исключительно плохая механическая обработка изделий.

Однако изложенное далеко не полностью исчерпывает комплекс причин, которые могут повлиять на выпуск продукции ненадлежащего качества.

Чтобы пополнить перечень вопросов, который должен держать в сфере своего внимания следователь, выясняя причины выпуска недоброкачественной продукции, я предшуто еще несколько дел, расследованных нами.

Завод «Трубосталь», кроме некомплектной продукции (о чем я уже говорил), выпускал недоброкачественные газовые трубы, а именно: трубы с несваренными швами, что исключало возможность применения этих труб по прямому назначению, а также трубы с большими искривлениями.

После того, как мы познакомились с технологическим процессом изготовления труб, удалось установить, что при сварке труб в сварочном цехе компрессор вместо атмосфер обеспечивал давление в 0,5 атмосферы, в результате чего пламя было недостаточно сильно и трубы сваривались неполностью.

В данном случае причина выпуска брака крылась в нарушении технологического процесса, что (как я уже

указывал) может быть одной из возможных причин выпуска недоброкачественной продукции.

При расследовании этого дела вполне законно возник еще вопрос: если в сварочном цехе в результате нарушения технологического процесса выпускался брак, то это еще не значит, что этот брак может выйти с завода; ведь на заводе имеется ОТК, который проверяет каждую трубу в отдельности под давлением в 16 атмосфер,— почему же все-таки недоброкачественные трубы выпускались за ворота завода? Чтобы ответить на этот вопрос, мы стали подробно проверять, как же работал ОТК. Оказалось, что существовавшая на заводе премиальная система не стимулировала работников ОТК задерживать бракованные трубы, а, наоборот, как это ни парадоксально, стимулировала работников ОТК как можно меньше браковать.

Этот парадокс объясняется довольно просто: работники ОТК получали премиальную оплату с количества пропущенных ими труб. Поэтому понятно, что контролеры ОТК всячески закрывали глаза на брак.

Завод имени Второй пятилетки выпускал как ширпотреб оконные петли. 25 тыс. оконных петель были проданы им Мелкооптогру, но их немедленно вернули обратно в связи с тем, что петли из-за большого перекоса и неукрепленности бауга были совершенно непригодными для использования.

В процессе расследования было установлено, что штампы с помощью которых изготавливались оконные петли, были сконструированы неправильно и поэтому петли не соответствовали чертежам и техническим условиям. Отсюда сам собою напрашивался вывод о том, что все петли, изготовленные этими штампами, общим количеством в несколько сот тысяч штук, являлись браком.

Этот пример приведен мною для того, чтобы показать, что причиной брака может явиться также дефектное оборудование, на котором изготавливается продукция.

В нашей практике были случаи, когда мы убеждались, что, несмотря на оборудование надлежащего качества, несмотря на соблюдение технологического процесса и наложенную работу ОТК, все же имеется большое количество рекламаций.

Какая же еще причина может привести к невозмож-

ности использовать продукцию? Такой причиной при транспортировке на большое расстояние может оказаться плохая упаковка изделий.

Так, завод радиоизделий выпускал в большом количестве репродукторы из пластмассы. Все было хорошо до тех пор, пока завод продавал свою продукцию в Ленинграде. Однако, как только завод стал направлять свою продукцию в другие города, немедленно со всех сторон посыпалась рекламации.

Следствием установлено, что завод не соблюдал технических условий упаковки репродукторов; они должны были паковаться каждый в отдельной коробке, а отправляли репродукторы, складывая их в ящиках без всякой прокладки один на другой. В результате большая часть репродукторов во время транспортировки приходила в негодность.

Дальнейшим расследованием было установлено, что начальник ОТК неоднократно писал директору завода докладные записки, указывая на грубое нарушение технических условий при упаковке, но директор оставлял без внимания все эти сигналы. Больше того, когда ОТК составлял акты о запрещении отправлять продукцию без соответствующей упаковки, эта продукция все же отправлялась по прямым распоряжениям директора.

Здесь же я хотел рассказать о причинах недоброкачественности продукции и не по вине предприятия-изготовителя. В нашей практике встретилось дело, когда бесспорно был доказан факт брака, но при расследовании причин, в результате которых возникла недоброкачественная продукция, была установлена полная непричастность к этому завода-изготовителя. Речь идет о выпуске недоброкачественных счетчиков заводом «Ленгазаппаратура № 1».

Дело в том, что газовые счетчики, изготовленные на этом заводе, после того как они были установлены в квартирах ленинградцев, в 30—35 случаях из ста не работали.

Комиссия, проверявшая эти неработавшие счетчики, выяснила, что у части счетчиков отломаны или дали трещины штуцера, а у части счетчиков не работает счетный механизм.

Произведенным расследованием было установлено, что все счетчики сразу же после выхода с завода проверялись и клеймились Комитетом измерительных приборов, объективность которого была вне всякого сомнения.

Расследованием была установлена еще одна интересная деталь. Счетчики этого завода отправлялись в Москву, в Киев и другие города и везде работали хорошо. Однако в Ленинграде эти же счетчики в массовом количестве выходили из строя.

В ходе дальнейшего следствия причина брака счетчиков была найдена. Этой причиной оказалось безобразное хранение счетчиков перед установкой их в квартирах; счетные механизмы под влиянием внешних механических сотрясений выходили из строя.

Этому способствовала еще и неправильная установка их в квартирах. Счетчики устанавливали иногда на полу, что, конечно, приводило к различным ударам и к порче счетного механизма. В другом случае счетчики были установлены за дверями, которые при открывании ударяли по счетчикам, что вряд ли оказывало благотворное влияние на их работу.

С целью установления причин отрыва штуцеров и появления в них трещин большое количество счетчиков было направлено на испытание в один из научно-исследовательских институтов. Испытания показали, что штуцера выдерживают нагрузку в несколько сот килограммов, т. е. выдерживают значительно большую нагрузку, чем это необходимо по всем условиям монтажа и эксплуатации.

В чем же дело? Почему штуцера, выдерживающие большую нагрузку при испытании, ломаются при монтаже? Дело оказывается в том, что в результате плохой подгонки труб при навертывании их на штуцера последние испытывали очень большую механическую нагрузку, значительно превосходящую ту, которую могут выдерживать штуцера по своим механическим свойствам.

Этот пример достаточно ясно показывает, что в том случае, когда брак обнаружен в продукции, которая уже вышла с завода-изготовителя, следователь всегда должен подробно изучить весь путь продукции от завода до места, где эта продукция была забракована.

Выпуск недоброкачественной продукции иногда связан с хищениями. Однажды к нам из инспекции Пробирного надзора поступили материалы ревизии ювелирно-часовой фабрики.

Пробирная инспекция установила, что имеющиеся на фабрике готовые золотые изделия: браслеты, кольца и серьги изготовлены из золота не 583-й пробы, как это должно было быть, а из золота более низких проб — 575—580, т. е. эта продукция не стандартна. Этот же материал говорил о том, что пониженная пробы в изделиях была установлена муфельным путем, т. е. путем сплавления части изделия в муфельной печи с последующим выделением чистого золота.

Для того чтобы более или менее точно определить пробы золотого изделия без расплавления его, пользуются следующим способом: на специальные, так называемые «черные камни» натирают небольшую полоску краем золотого изделия. Затем рядом натирают полоску золотой иглой-эталоном той пробы, которой должно быть изделие. После этого поперек обеих полос проводят черту кисточкой, смоченной в реактиве. В том случае, если изделие той же пробы, что и эталон, реактив действует одинаково, а если пробы изделия иная, то это сразу будет заметно по различному действию реактива.

Конечно, этот способ проверки довольно примитивен и нередко дает большие погрешности.

Допрашивая работников инспекции, я установил, что результаты муфельного анализа пробы золотых изделий при ревизии фабрики были для них подобны грому среди ясного неба. Дело в том, что эти же изделия, проверенные перед сплавлением на камне, дали 583-ю пробу, а после муфельного анализа пробы оказалась 575.

Объяснить это явление работники инспекции никак не могли и беспомощно пожимали плечами.

Необходимо было найти причину расхождения пробы при двух разных методах анализа, ибо иначе невозможно было с твердостью сказать, является продукция стандартной или нет.

С этой целью я попросил инспекторов в моем присутствии снова произвести анализы. По моему указанию было взято несколько браслетов, с помощью которых стали производиться анализы. При проверке на

камне все браслеты показали 583-ю пробу. Когда же один браслет расплавили, то результаты анализа заставили опять всех пожимать плечами, а меня привели в полнейшую растерянность: муфельный анализ показал 574-ю пробу.

Тогда было решено производить муфельный анализ над частями браслета. Для этого первоначально сплавили половину браслета. Результаты не принесли нам ничего нового и ни на шаг не приблизили нас к разрешению задачи. Проба была 574.

Тогда разделили браслет на три части: карабины, концы и средник. Сначала сплавили карабины. Результаты анализа заставили нас насторожиться: проба была 583.

Значит, масса браслета неоднородна.

После этого произвели анализ концов: результат тот же — проба 583. Тогда сплавили средник. На этот раз результат анализа еще раз подтвердил, что чудес не бывает. Проба средника была 570. Однако на камне средник показывал все ту же 583-ю пробу. Значит, внутри средника есть примеси других металлов. Когда вскрыли несколько средников, то оказалось, что там, в так называемые рейфеля, были действительно впаяны, а зачастую просто вложены латунные пластинки.

При вскрытии других браслетов повторилась та же картина: везде были впаяны латунные пластинки.

В тот же день во всех ювелирных магазинах Ленинграда были изъяты все браслеты, и при проверке были обнаружены те же впаянные в рейфеля латунные пластинки. Средний вес латуни на каждый браслет составлял 0,6—0,8 г.

В связи с тем, что изготовлением средников ряд лет занималась одна и та же бригада, которую возглавлял все время один человек, установить, кто вставлял в золотые браслеты медные части и похищал таким образом золото, было уже нетрудно.

Пока я находился в инспекции пробирного надзора, на ювелирной фабрике уже снимались натурные остатки золота у этой бригады, а на квартире бригадира, виновника всей этой истории, уже производился обыск. Он дал хорошие результаты: дома у преступника была обнаружена вполне оборудованная ювелирная мастерская.

36

Нашли там и слитки золота, и заготовки золотых браслетов и цепочек, и готовые золотые изделия.

Дальнейшее следствие установило еще большее количество фактов хищений и выявило людей, систематически, в крупных размерах похищавших государственные ценности.

По предварительным данным, только путем вспаивания медных пластинок в браслеты, преступники в течение двух лет похитили около 5 кг золота.

Так дело о выпуске нестандартной продукции перросло в дело о крупном хищении государственной собственности.

* * *

Переходя к вопросу об установлении конкретных виновников выпуска недоброкачественной продукции, следует отметить, что со стороны некоторых следственных работников высказывается такое мнение, будто эта работа по данной категории дел совершенно не нужна, так как круг лиц, ответственных за выпуск недоброкачественной продукции, установлен Указом от 10 июля 1940 г. и поэтому незачем ломиться в открытую дверь. Эти товарищи заблуждаются. И в делах о выпуске недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции надо обязательно установить и разграничить персональную ответственность каждого из должностных лиц, перечисленных в Указе.

Практика показала, что руководящие работники отдельных заводов принимают меры, чтобы скрыть от следствия и от вышестоящих организаций выпуск недоброкачественной продукции, не показывая в отчетных данных наличие рекламаций от заказчиков.

Расследуя конкретные дела, следователь всегда должен подвергать осмотру отчетные данные предприятия, посылаемые в вышестоящие организации.

В тех случаях, когда по делу будет установлено, что в бухгалтерии завода имеются рекламиации на недоброкачественные товары и что за такую поставку уплачены значительные суммы в виде штрафа, а в отчетных данных не будет указано, что завод получал рекламиации, — налицоознательное скрытие со стороны руководителей предприятий фактов выпуска брака.

37

РЕПОЗИТОРИЙ ГУИ

Установление таких фактов будет играть серьезную роль при определении конкретной вины и степени ответственности каждого из должностных лиц.

Некоторые следователи считают, что выпуск недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции — бескорыстное преступление.

Практика показала, что в ряде случаев отдельные работники завода корыстно заинтересованы в выпуске с завода некомплектной продукции. Так, некоторые работники завода «Трубосталь» (о котором уже говорилось), выпуская некомплектную продукцию, направляли в свой главк сведения о выполнении плана и выпуске комплектной продукции. Только директор завода за два года за перевыполнение плана, — чего в действительности не было, — получил в виде премии 48 тыс. руб.

Аналогичные случаи установлены и по другим делам.

Это говорит о том, что следователь всегда должен интересоваться премиальной системой, устанавливая, кто и за что получал премии. В ряде случаев это поможет выявить виновников выпуска брака.

В сфере внимания следователя должен также находиться и весь тот путь, который проделывает забракованная продукция после возвращения на завод-изготовитель от заказчика. Как я уже указывал, долота, изготовленные Литейно-механическим заводом, были забракованы и возвращены обратно на завод. Однако дирекция завода, не производя никаких исправлений, через месяц вновь продала эти долота Ленжилупрению. После того как эти долота были вторично возвращены Ленжилупрением как брак, дирекция завода вновь умудрилась продать их еще какой-то организации.

Этот пример наглядно подтверждает необходимость исследования движения продукции, возвращенной обратно на завод, что может служить еще одним доказательством злости действий бракоделов.

Многие преступления, совершаемые в ходе ведения производственных процессов, являются преступлениями против интересов народного хозяйства. Важнейшими из них являются преступления, связанные с хищением имущества, находящегося в государственной собственности.

Следователь по важнейшим делам
Прокуратуры Узбекской ССР
старший советник юстиции

К. П. КРЫЛОВ

ПЛАНОВОСТЬ — ЗАЛОГ УСПЕХА РАССЛЕДОВАНИЯ

Борьба с хищением денежных средств, принадлежащих предприятиям, является весьма важной задачей прокурорско-следственных органов. Ведение дел по такого рода преступлениям часто отличается особой сложностью, ибо преступления в этих случаях тщательно спланируются.

Примером, показывающим приемы, к которым прибегают расхитители в таких случаях, может служить дело группы финансово-счетных работников Ташкента.

Организатором этой группы преступников сначала был главный бухгалтер юрно-седельной фабрики Столыпин, а затем сменивший его на этом посту Васильев. Выходцы из торгово-кулацкой семьи, тесно связанные друг с другом кузеками, они еще в довоенное время совершили хищения.

Рациональное поле своей преступной деятельности, они тщательно подбирали себе соучастников из среды финан-

РЕПОЗИТОРИЙ ГУИ

совых работников. В их числе были главные бухгалтеры Янги-йольского хлопзавода Гатнатуллина, Узбектабактреста Нефедов, насыпной фабрики Разаков, Самаркандской махорочкой фабрики Дужан-Яровенко, «Узсовхозхлоптранса» Ангилова.

При участии работников октябрябрьского отделения Госбанка г. Ташкента Нафигуллина, Калачевой и др. они расхитили значительную сумму денег. Кроме того, большую сумму денег Столыпин и Васильев похитили, когда работали в «Плодоовощепереработке»; установить точно размер хищений не представилось возможным вследствие пожара в архиве, где хранились документы этого предприятия.

История возникновения этого дела не безинтересна. Вот как оно началось.

К Прокурору Узбекской республики однажды явился министр местной промышленности Узбекской ССР т. Сагдулаев и заявил, что скрылся главный бухгалтер шорно-седельной фабрики Васильев, получивший через октябрябрьское отделение Госбанка по двум бестоварным счетам на имя ташкентской автобазы «Узсовхозхлоптранса» около 95 тыс. руб.

Предварительной проверкой было установлено, что полученные с расчетного счета автобазы «Узсовхозхлоптранса» деньги по двум бестоварным счетам Васильев возвратил обратно. Этот факт можно было квалифицировать не больше, как финансовое нарушение,— к тому же подобные случаи в практике хозяйственных предприятий, имеющих взаимные расчеты, не единичны.

Нами были организованы ревизионные бригады, которые мы направили в автобазу «Узсовхозхлоптранса», на шорно-седельную фабрику и в октябрябрьское отделение Госбанка, где находился расчетный счет этой фабрики. На второй день было вскрыто хищение большой суммы денег. Следует упомянуть, что нами были приняты необходимые меры для сохранения документов, подтверждавших хищения, так как эти важные доказательства преступники (было ясно, что действовал не один Васильев) могли уничтожить.

Одновременно с производством ревизий мы решили нанести удар по основному ядру преступников. К вы-

полнению этой задачи нами было привлечено несколько народных следователей и один старший следователь Ташкентской городской прокуратуры. Все они были тщательно проинструктированы о порядке изъятия документов и проведении обысков в рабочих столах преступников и на их квартирах. Каждому следователю было разъяснено, какие именно документы интересуют следствие.

В течение двух-трех дней было арестовано свыше 10 человек — основных преступников — и изъяты все необходимые документы.

Следует сказать, что эта операция, тщательно продуманная и хорошо организованная, прошла удачно.

Арестованные под тяжестью собранных документальных доказательств стали рассказывать о своих преступных делах и связях.

Так было начато большое и сложное дело о крупных хищениях государственных средств.

Правильно произведенный допрос, как известно, имеет решающее значение для раскрытия преступления. Чтобы получить у обвиняемого правдивые показания о его преступлениях, необходимо предварительно подготовиться к допросу. Следует ясно представлять себе, как начать допрос, какой вопрос поставить первым, какие в последующем. Все это имеет огромное значение.

Я приведу пример, как в результате поспешно поставленного, непродуманного вопроса я сам лично испортил возможность быстрого получения от обвиняемой нужных данных. Это было при допросе кассира шорно-седельной фабрики Мельниковой. По показаниям Столыпина, она похитила из наличных средств кассы фабрики свыше 150 тыс. руб. Мельникова долгое время упорствовала и только на четвертый день начала давать показания. Не подумав о последствиях, я опрометчиво задал ей вопрос, в какой степени ее хороший знакомый Колесов связан с ней по преступной деятельности. Этот вопрос был явно неудачным. У Мельниковой, не желавшей причинять худое Колесову, изменилось настроение, и контакт между нами был нарушен. Мельникова замкнулась, и я был лишен возможности получить от нее нужные данные.

Допрос пришлось прервать, и только на другой день, на новом допросе в результате тщательно продуманных вопросов контакт был восстановлен. Она назвала место хранения важных документальных доказательств, изобличающих ее и Столыпина. Более того, она написала записку о том, чтобы Колесов принес эти документы в прокуратуру.

Колесов выполнил это поручение. В числе представленных им документов оказались чистые бланки выписок с оттиском штампа октябрябрьского отделения Госбанка, записи Столыпина, свидетельствовавшие о деже похищенных сумм, а также его письменные указания Мельниковой о порядке составления подложных выписок банка.

То, что я один вел допрос арестованных, давало мне возможность быть повседневно в курсе всего хода следствия и в зависимости от этого направлять работу ревизионных бригад (они закончили свою работу только через четыре месяца).

Следствие велось самым форсированным темпом. Работа шла днем, вечером и в выходные дни. Нужно было учитывать необходимость соблюдения установленных сроков расследования.

Следует указать, что координирование следственной и ревизионной работы дало хорошие результаты в смысле полного и всестороннего расследования дела.

Так, обвиняемый Столыпин, совершивший крупное хищение на шорно-седельной фабрике, рассказал, что после увольнения с этой фабрики он работал главным бухгалтером учебно-производственного комбината общества слепых, где также похитил значительную сумму денег. Поступив вслед за тем на должность старшего бухгалтера сельпо, он совместно с главным бухгалтером ташкентской конторы Военторга Мишутином украл 70 тыс. руб. В названные организации были направлены ревизионные бригады, и факты, сообщенные Столыпиным, не только подтвердились, но и были закреплены заключением экспертизы.

Мишутина, однако, сразу арестовать не удалось. Как оказалось, он сразу же после ареста Столыпина скрылся из Ташкента.

Розыску и аресту Мишутина помог тщательно проведенный обыск на квартире его родственников. У них была обнаружена телеграмма из г. Елецка (без подписи отправителя), в которой были только два слова. «Сообщите здоровье».

Отправителем телеграммы, повидимому, был не кто иной, как сам Мишутин. Вследствие этого в Елец было направлено требование об аресте Мишутина. Мое предположение оправдалось: Мишутин оказался в Елецке. Он был арестован и доставлен в Ташкент. При обыске у него обнаружили весьма ценные документы, в том числе платежное поручение о перечислении 70 тыс. руб. на расчетный счет сельпо и записку к родственникам в Ташкент с просьбой сообщить ему, Мишутину, как проходит ревизия, кого арестовали и т. д.

Эти документы полностью изобличали Мишутина, и он вынужден был признаться в совершенных им хищении.

Особенно важно было арестовать Васильева. Мы получили сведения, что он с женой скрываются в Астрахани. Туда было послано требование о немедленном аресте преступника. Однако к моменту получения этого требования Васильева в Астрахани не оказалось. Как потом стало известно, он перебрался в Енотаевский район, где и был обнаружен благодаря бдительности работников милиции. В момент прописки Васильевых в Енотаевке работники милиции обратили внимание на то, что в паспорте Васильева отсутствовала отметка о выписке его из Ташкента.

Васильев и его жена были прописаны, но, заподозрив в нем преступника, милиция Енотаевки запросила Ташкент, — не разыскивается ли Васильев. Я дал телеграмму в Енотаевку и направил почтой постановление об аресте и этапировании Васильевых в Ташкент.

Так в результате тщательно проработанного плана организации ревизий, координированных оперативно-следственных мероприятий, а также упорной и настойчивой работы по расследованию была вскрыта преступная группа злостных расхитителей государственных средств и пресечена их преступная деятельность.

Следствием было установлено, что основная и главная роль в этих хищениях принадлежала Столыпину и Васильеву.

Действуя совместно, они в то же время занимались хищениями и самостоятельно. Так, Васильев, кроме того, что расхитил совместно со Столыпиным и другими, лично сам со своей женой Васильевой похитил значительную сумму денег.

Постепенно освоившись с возможностями легкой наживы, Васильевы вели широкий образ жизни. При зарплате Васильева в 700 руб. он каждые два-три дня давал жене по 300, по 400, по 500 и по 1000 руб. Васильев, объясняясь хищением государственных средств разгульным образом жизни и постоянными пьянками, заявил, что прожиточный минимум его составлял не менее 40—50 тыс. руб. в месяц.

Столыпин только лично сам похитил свыше 600 тыс. рублей. Он тратил эти деньги на пьянки, на кутежи в ресторанах и на женщин. Столыпин только одной из своих знакомых Конторщиковой, за короткое время дал 70 тыс. руб.

Как же стало возможным, что на протяжении длительного времени преступная группа безнаказанно разворовывала государственные деньги? Этому было много причин. И главные среди них — беспечность, отсутствие контроля, разгильдяйство, а порой и прямое соучастие в преступлениях работников ревизионного и контрольного аппарата вышестоящих организаций.

Для дела характерны сложные и весьма завуалированные способы хищений, которые использовали преступники.

Одним из методов хищения государственных средств, применявшихся Столыпиным и Васильевым, было неправильное исчисление налога с оборота.

Основным видом производства шорно-седельной фабрики являлись шорные и швейные изделия. Согласно существующему положению, шорные изделия подлежат обложению налогом с оборота, а швейные изделия, изготовленные фабрикой по договорам из материалов заказчика, обложению налогом не подлежали.

Используя это обстоятельство, Столыпин и Васильев

из месяца в месяц, на протяжении четырех с половиной лет, представляли в московский райфинотдел г. Ташкента фиктивные отчеты по налоговым платежам. В этих отчетах шорные изделия шли как швейные, и таким образом, скрывая фактический товарооборот по шорным изделиям, преступники создавали источники средств для хищений. Отчеты подлежали обязательной проверке финансовыми органами непосредственно на фабрике, путем сопоставления их с соответствующими документами, подтверждающими правильность исчисления налоговых платежей. Обязанность проверки лежала в основном на старшем инспекторе райфинотдела Черняковой. Преступно связанная с Васильевым, она, зная о расхищении им государственных средств, свои обязанности по проверке отчетов фактически не выполняла. Ограничиваюсь фиктивными данными, показанными в отчетах Столыпина и Васильева, Чернякова составляла свои акты «проверок» и таким путем способствовала безнаказанному расхищению денег.

Столыпин и Васильев незаконно получали созданные ими резервы денежных средств из октябрьского отделения Госбанка под предлогом использования их для выплаты зарплаты. В целях сокрытия хищений они уничтожали подлинные выписки Госбанка и взамен их составляли подложные. В них похищенные суммы фигурировали как якобы перечисленные райфинотделу в счет уплаты налога с оборота. Соответственно этим выпискам похищенные суммы записывались в картотеке по лицевому счету райфло, как перечисленные на расчетный счет московского райфинотдела.

Эту преступную «механику» можно было бы быстро разоблачить путем проверки взаимных расчетов шорно-седельной фабрики и райфинотдела. Между тем ни одной такой проверки Чернякова не произвела. Такое ее поведение «стимулировалось» подачками Васильева, от которого она получила около 100 тыс. руб. наличными деньгами.

Столыпин, будучи связан с кассиром фабрики Мельниковой, похитившей из кассы 158 тыс. руб., списал эту сумму по подложным выпискам Госбанка — как выручку, будто бы сданную в Госбанк. Фактически никто, конечно, этой «выручки» не сдавал. Для сокрытия этого

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУНДАУ

хищения Мельникова в свою очередь сфабриковала три фиктивных кассовых ордера на эту сумму.

Методом составления подложных кассовых расходных ордеров, банковских квитанций и объявлений о приеме выручки и похищении этим путем денег пользовался и Васильев. Он даже имел для этой цели специальный штамп, похищенный в свое время в октябрьском отделении Госбанка.

Сам Васильев по этому поводу показал:

«Решив встать на преступный путь, я в первую очередь похитил три десятка бланков карточек лицевого счета из октябрьского отделения Госбанка с отисками штампа указанного отделения. Позже здесь же я похитил штамп этого отделения, необходимый мне для составления фиктивных выписок».

Активно участвовала в подлогах, совершенных Васильевым, его жена.

Столыпин и Васильев принимали все меры предосторожности, чтобы случайно их махинации не были раскрыты, и придавали каждой выписке такой вид, чтобы при ревизии она не вызывала подозрений. Выписка составлялась в двух экземплярах, под копирку. Текстовые записи в ней делались «под почерк» работников банка. После этого первый экземпляр такой выписки уничтожался, а копия помещалась в картотеку.

Для того, чтобы облегчить совершение преступлений, Столыпин и Васильев брали на должности бухгалтеров морально неустойчивых людей. Эти бухгалтера, фабрикуя фиктивные платежные поручения, незаконно перечисляли с расчетных счетов своих предприятий на расчетный счет шорно-седельной фабрики крупные денежные суммы, а Столыпин и Васильев, получая их из октябрьского отделения Госбанка якобы для зарплаты, по кассе фабрики не приходовали.

Поговору с теми же бухгалтерами и главным бухгалтером отделения Госбанка Нафигуллиным, Столыпин и Васильев фабриковали фиктивные платежные требования. Эти требования они предъявляли на инкассо в банк. При прямом участии Нафигуллина расхитители добивались списания с расчетных и спецссудных счетов предприятий крупных денежных сумм, которые получали

также будто бы для зарплаты. Эти деньги они совместно с Нафигуллиным и другими преступниками присваивали.

Участники хищений — главные бухгалтера предприятий — скрывали незаконно перечисленные и списанные денежные суммы на балансе своих предприятий завуалированными проводками или «загоняли» их на балансы подведомственных предприятий, а затем списывали на несуществующих кредиторов. Так, например, Нафигуллин поговору с Васильевым и Столыпиным вовлек в преступную связь главного бухгалтера Янги-юльского хлопцавода Гатиатуллину.

Проинструктированная Нафигуллиным о способах скрытия хищений, она списывала похищаемые денежные суммы на Мирзачульский и Чиназский хлопцаводы, а затем завуалированными проводками скрывала их на балансе Янги-юльского хлопцавода. Так, однажды платежным поручением за № 87 Гатиатуллина незаконно перечислила на расчетный счет шорно-седельной фабрики в оплату бестоварного счета № 127 со счета Янги-юльского хлопцавода 32 тыс. руб. Эту сумму она списала на Мирзачульский хлопцавод, но авизо о списании этому хлопцаводу не выслала. Счет же № 127, полученный через Нафигуллина у Васильева, она уничтожила. Васильев, получив эту сумму в банке, присвоил 16 тыс. руб. и столько же вручил Нафигуллину, который в свою очередь выделил 8 тыс. руб. Гатиатуллиной.

Главный бухгалтер Узбектабакреста Нефедов похищенные в разное время аналогичным путем с расчетных счетов предприятий Узбектабакреста 275 757 руб. скрыл на балансе Самаркандинской махорочной фабрики. Для этой цели Нефедов втянул в преступления главного бухгалтера фабрики Дужан-Яровенко, которому за содействие дал 5 тыс. руб.

Нефедов на допросе виновным себя признал и показал, что «в целях окончательного скрытия хищения государственных денег, завуалировал баланс Самаркандинской махорочной фабрики на сумму 275 757 руб. путем целого ряда фиктивных записей».

Последующей ревизией Самаркандинской махорочной фабрики были установлены факты хищений, совершенных ответственным исполнителем Митягиным и упомянутым выше Дужан-Яровенко.

При расследовании выяснилось, каким образом Столыпин и Васильев умудрялись неограниченно получать деньги из банка якобы на зарплату. Оказалось, что в этом их прямыми и непосредственными соучастниками являлись инспектор по контролю за зарплатой Калачева и управляющая банком Бакиева.

Калачева должна была осуществлять контроль за выдачей зарплаты ширно-седельной фабрике и учебно-производственному комбинату общества слепых и могла разрешать эту выдачу только исходя из утвержденных фондов зарплаты и процента выполнения производственной программы.

Перерасходы по зарплате сверх причитавшихся сумм могли допускаться по ширно-седельной фабрике только с разрешения Министра местной промышленности, а по учебно-производственному комбинату общества слепых — только с разрешения Министра социального обеспечения.

Этот порядок Калачева систематически нарушала. Зная фонды зарплаты и имея данные о степени выполнения производственной программы на этих предприятиях, она тем не менее визировала чеки на выдачу зарплаты сверх причитавшихся предприятиям сумм.

Войдя в преступную связь со Столыпиным, Калачева за время немногим более года, при установленном ширно-седельной фабрике фонде зарплаты на этот период в размере 184 610 руб., незаконно завизировала выплату зарплаты на значительно большую сумму; разницу Столыпин присвоил.

Поговору с Васильевым, заведомо зная о представлении им фиктивных справок, Калачева, при установленном фонде зарплаты для ширно-седельной фабрики в сумме 2 585 100 руб., незаконно завизировала ему чеков на зарплату в сумме значительно большей, чем причиталось фабрике. Этую разницу Васильев по кассе фабрики не оприходовал, а присвоил. Калачева же незаконно завизировала выдачу не причитавшейся учебно-производственному комбинату общества слепых зарплату на большую сумму, которую Столыпин — тогда главный бухгалтер комбината — похитил.

Чтобы скрыть хищения, Столыпин и Васильев в представляемых ежемесячно в Госбанк справках по фондам

48

зарплаты показывали суммы, которые они имели право получить на зарплату. Калачева поговору с ними в карточках учета средств, выданных на зарплату, записывала не те суммы, которые они фактически получали, а те, которые они называли ей. Таким образом она скрывала фактически выданные деньги.

Записи в карточках учета Калачева умышленно запутывала. Большинство операций по выдаче денежных средств на зарплату она в карточки не заносила. Наоборот, она записывала туда суммы, которые вовсе не выдавались. Такая путаница мешала выявлению хищений, и они вследствие этого своевременно не были вскрыты.

Калачева систематически выдавала Столыпину чистые бланки выписок со штампом октябрьского отделения Госбанка. Эти бланки Столыпин использовал для составления фиктивных выписок по расчетным счетам ширно-седельной фабрики и учебно-производственного комбината общества слепых.

За эти «услуги» Калачева каждый раз получала от Столыпина и Васильева по 300, по 400, по 500, а иногда и по 1000 руб.; только от Столыпина она в общем получила 26 тыс. руб.

Важная роль в этом преступлении принадлежала управляющей октябрьским отделением Госбанка Бакиевой. Она была обязана контролировать Калачеву. Получая специальные инструкции и указания Госбанка СССР и Узбекской республиканской конторы Госбанка о контроле и проверке, Бакиева эти документы передавала Калачевой с лаконичной резолюцией: «Контролируй сама».

Бакиева знала о злоупотреблениях Нафигуллина и Калачевой и за молчание получала взятки и от Столыпина и от Васильева.

При обыске у Бакиевой было обнаружено большое количество ценностей.

Следует отметить, что преступления могли совершаться столь длительно из-за преступной небрежности ряда должностных лиц и в том числе директора ширно-седельной фабрики Юсупова, который, кстати говоря, еле-еле умел расписаться. Он подписывал чистые бланки чеков, предоставляя их заполнение Столыпину и Васильеву.

Как установлено расследованием, начальник центральной бухгалтерии Министерства местной промышленности «Следственная практика», вып. 2.

49

ности УзССР Шлифер три раза посыпал ревизоров на фабрику. Первый ревизор, Витавер, к работе отнесся формально и даже не счел нужным проверить учет кассы. Второму ревизору, Ландо, Васильев цинично предложил получить 5 тыс. руб. и убраться. Ревизор потребовал 10 тыс. руб. и, получив требуемую сумму, ушел. Третий ревизор, Токаренко, ограничился поверхностным просмотром бумаг.

Будучи привлечен к ответственности за халатность, Токаренко виновным себя признал. На вопрос, почему он так небрежно провел ревизию, ответил: — Я все время работал и работаю главным бухгалтером. Ревизионной работы не знаю и никогда ею не занимался. Я говорил об этом Шлифера, но он ответил: ничего, пройдешь как-нибудь. Вот я и провел «как-нибудь».

Васильев просил Шлифера посыпать поменьше ревизоров, которые, мол, «мешают работать». Свою просьбу Васильев «подкрепил» двумя тысячами рублей.

Виновники преступлений были строго наказаны.

Старший следователь
прокуратуры г. Ленинграда
юрист I-го класса

Е. С. МЕЛАМЕД

РЕШАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ РАБОТЫ

Лонитомаш — сокращенное название ленинградского отделения Всесоюзного научного инженерно-технического общества машиностроителей. Отделение было создано для распространения среди работников машиностроительных заводов новых способов обработки металлов, популяризации новинок отечественного машиностроения, внедрения новейших методов организации производства в машиностроении и оказания помощи в подготовке кадров.

Практическая помощь предприятиям осуществлялась Лонитомашем на основании договоров с заводами на выполнение технологических и конструкторских работ с последующим заключением трудовых соглашений уже с конкретными исполнителями этих работ — бригадирами.

Руководство всем этим делом было возложено на начальника отдела консультаций и технической помощи,

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУЖИ

директора технической выставки Лонитомаш — кандидата технических наук Парнеса.

Используя предоставленное ему право заключения договоров и имевшиеся в его распоряжении денежные средства по так называемому безлюдному фонду, Парнес организовал расхищение социалистической собственности. Оно носило широкий характер и длилось продолжительное время.

Раскрытие преступной деятельности Парнеса и К° началось после ревизии Госконтроля на Невском машиностроительном заводе — наиболее крупном клиенте Лонитомаш. Ревизоры обнаружили там фиктивные и завышенные соглашения с Лонитомаш. В связи с тем, что многих чертежей вообще не было, Парнес вместе со своими соучастниками предъявил ревизии старые чертежи из архивов. По ряду работ, вовсе не выполнявшихся, а в свое время заказчиками «принятых» и оплаченных, по которым не удавалось подобрать чертежей из архива завода, были предъявлены некоторые материалы, которые хранились в архиве Лонитомаш.

Ревизия вскрыла незаконное расходование и присвоение денежных средств, выделенных заводу на проведение научно-исследовательских работ.

Материалы о преступлениях работников завода были направлены в прокуратуру. Следствие вместе со мной вел еще один старший следователь — А. В. Дулов.

Поскольку ревизия выявила факты незаконного получения денег по отдельным фиктивным трудовым соглашениям, заключенным Невским машиностроительным заводом с Лонитомаш, речь шла о привлечении к уголовной ответственности четырех человек: трех работников завода — начальника бюро штампов и приспособлений отдела главного технолога Кузьмина, инженера БРИЗа Шуфотинского, начальника цеха Селезнева, а также директора технической выставки Лонитомаш — Парнеса.

Расследование было решено начать с ареста Кузьмина и с обыска в его квартире. Однако наша первая операция по этому делу закончилась не совсем удачно: к нашему приходу Кузьмин скрылся. Мы были вознаграждены тем, что нашли под крышкой рояля какие-то записи на 12 страницах.

52

При внимательном изучении этой «рукописи» оказалось, что перед нами нечто вроде инструкции, обращенной (как выяснилось, записи были сделаны рукой Парнеса) к тем людям, чьи имена как исполнителей чертежей значились в договорах. Одному «члену бригады» Парнес напомнил, что он «делал детали к чертежам», другому, что он «делал сверлильные приспособления — две штуки», третьему, что он «подбирал на заводе материал для составления классификатора и альбома типовых приспособлений» и т. д. Некоторым давались подробные указания. «Самое основное, — поучал Парнес, — заключалось в том, что ты детализировал и снимал некоторые эскизы с натуры, упоминать о номере соглашения не следует».

Не повезло нам и с самим Парнесом: его мы тоже дома не застали. Он был помещен в институт протезирования в связи с параличом ног. Там он ожидал производства операции. При обыске у Парнеса были найдены копии бухгалтерских отчетов и копии трудовых соглашений с заводами.

Бегство Кузьмина и заболевание Парнеса значительно усложнили следствие, и мы вынуждены были начать допросы второстепенных участников преступлений.

Нами были отобраны не только те трудовые соглашения, которые значились в изъятых на квартире Кузьмина списках, но и другие, которые казались подозрительными. Так, например, были изъяты соглашения, имеющие подпись, а также и те, на которые не было актов о приемке работ, перечня бригадиров, необходимых подписей и т. д.

Особенно сложной оказалась работа, связанная с подбором трудовых соглашений, которые по внешнему оформлению ничем не отличались от других соглашений, по которым работа была фактически выполнена. Здесь на помощь пришли уже имеющиеся у нас данные, почерпнутые из найденных списков. Нами было также отобрано более 100 соглашений, заключенных с другими заводами.

Объем работы и сложность ее привели к необходимости назначения технической экспертизы, задача которой заключалась в проверке наличия работ по каждому тру-

53

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

довому соглашению на заводах и в архиве технической выставки Лонитомаш, в определении фактической стоимости работ и суммы завышения.

Нами были организованы выезды экспертов на заводы, где им в нашем присутствии предъявились все чертежи и материалы, имеющиеся на заводе по каждому трудовому соглашению. В процессе этой работы все трудовые соглашения были нами разбиты на фиктивные и завышенные.

Проверяя наличие работ на заводе, нам удавалось установить, что в ряде случаев работы эти были выполнены работниками завода по нарядам в урочное время, так как это входило в круг их служебных обязанностей.

К нашему удивлению, по некоторым трудовым соглашениям, отнесенным нами к разряду фиктивных, работы, по утверждению работников Лонитомаш, были выполнены. В доказательство этого нам были предъявлены из архива Лонитомаш отдельные чертежи. Таким образом, все, что было достигнуто ранее, легко опровергалось этими чертежами. Отсутствие же подобных чертежей на заводах могло быть объяснено пропажей и многими иными причинами.

Для установления подложности этих чертежей была организована криминалистическая экспертиза. В результате удалось установить, что в угловых штампах надпись «Лонитомаш для НЭЛ» (Невский завод имени Ленина) выполнена позднее всего текста штампа, причем надпись эта выполнена на старом тексте.

Экспертиза также вывела, что время исполнения чертежей дано на штампе иной тушью и тоже по стальным текстам. В отдельных случаях удалось восстановить старый текст, а это дало возможность убедиться в том, что чертежи эти были сделаны в 1944 г.

Итак, предъявленные нам чертежи оказались выполнеными значительно раньше срока составления трудовых соглашений. Это, разумеется, бесспорно доказывало, что исполнителем этих чертежей не мог быть Лонитомаш.

Дополняя данные криминалистической экспертизы следственными материалами, нам удалось установить, что стертый текст, ныне восстановленный экспертизой, являлся

54

ся ничем иным, как наименованием заводов — фактических исполнителей этих работ.

Так, например, предъявленные нам чертежи штампов для пружинной и дисковой борон, по трудсоглашению № 62, в действительности были выполнены 10 февраля 1944 г. Невским машиностроительным заводом (НЭЛ). Чертежи эти были впоследствии украшены из архива завода Кузьминым и переданы Парнес в архив Лонитомаш, причем дата «10/II—44 г.» была исправлена на «10.VI—45 г.», а в угловом штампе к наименованию исполнителя «НЭЛ» было дописано «Лонитомаш для». Таким образом, завод-исполнитель был превращен в заказчика, исполнителем же стал Лонитомаш.

Аналогичные факты были нами вскрыты и по ряду других заводов.

Преступниками была создана видимость наличия работ по фиктивным трудовым соглашениям.

Полное подтверждение нашей версии данными технической и криминалистической экспертиз и собранными следственным путем доказательствами дало нам возможность шаг за шагом раскрыть всю группу хищников, орудовавших в Лонитомаш и на отдельных заводах города.

При предъявлении трудовых соглашений, приложений к ним, а также платежных ведомостей Григорьев, Антонов, Кузьменко, Вязовская, Дьякова, Шавырина и много других людей, допрошенных на следствии, к нашему удивлению... подтверждали свое участие в работах по трудовым соглашениям с Лонитомаш. Они опознавали подписи в платежных ведомостях, подтверждали получение денег за работу.

Изучением состава бригад Кузьмина, Шуфотинского, Фатянова и других бригадиров мы установили, что часть из них — инженерно-технические работники, находившиеся в подчинении указанных лиц по работе, часть — жены, родственники, близкие знакомые. Кое-кто из них действительно по специальности являлся чертежником, копировщиком, но попадались нам и зубные врачи, стекографистки, переводчицы, продавцы и т. д.

К каждому из них было решено подойти в соответствии с имеющейся характеристикой.

Однажды, например, нами был вызван (в третий раз)

55

начальник строй участка Столяренко. Он был явно недоволен и даже как будто возмущен частым беспокойством. Столяренко и на этот раз подтвердил, что работал в Лонитомаш по трудовым соглашениям и деньги получал за действительно выполненную им работу.

Столяренко было предложено сделать чертеж, который он, по его утверждению, выполнял по одному из трудовых соглашений. Он должен был вычертить «эскиз шестигранной гайки и эпюры изгибающих моментов балки, закрепленной одним концом и свободно лежащей на двух опорах».

...Проходит полчаса.

Столяренко с шумом отодвигает стул... Он не может на память выполнить чертеж эскиза, он требует, чтобы ему представили эскиз! Тогда следователь предлагает ему вычертить простую гайку. Столяренко соглашается, что для этого задания эскиза не потребуется.

...Проходит еще полчаса.

Вместо чертежа гайки Столяренко удалось набросать какой-то детский рисунок, напоминающий чем-то игрушечного волчка.

Возражать больше нечем...

Столяренко рассказывает правду: никаких работ не выполнял, а по просьбе Парнеса, его личного знакомого, неоднократно расписывался в платежных ведомостях. В кассе Лонитомаш получал деньги и отдавал их Парнесу, оставляя себе за «услуги» 20 проц. полученной суммы.

Такие следственные эксперименты мы начали применять и к другим лжесвидетелям. Стоило нам положить перед допрашиваемым все, что надо для исполнения чертежа, как сразу же следователем отказ от выполнения задания, а затем — правдивые показания.

Хитро сплетенная нитьговора была прервана. Один за другим Фиш, Дьякова, Мошкарова, Волкова и много других подставных лиц рассказали о том, что никаких работ по трудовым соглашениям в Лонитомаш не выполняли, а деньги в кассе получали по просьбе Парнеса, Кузьмина, Фатянова, Эненберга, Шуфотинского.

Десятки подставных лиц помогли окончательно подтвердить наличие фикций и завышения стоимости работ

56

в трудовых соглашениях. Предъявление документов и изъятых чертежей, очные ставки, ознакомление с результатами криминалистической экспертизы заставили Парнесса, Фатянова, Эненберга и других заговорить по-иному.

Удачные результаты следственных экспериментов; наличие ряда других видов доказательств, — все это дало нам возможность добиться правдивых показаний у основных организаторов хищений.

Пять месяцев бригадир Фатянов оставался верен преступному говору и, только окончательно убедившись в полной бедсмыслиности лжи, заговорил.

И сам Парнесс после шестимесячного молчания, под действием собранных нами улик, также был вынужден откровенно рассказать об организованных им хищениях.

Следствие подходило к концу, но один из основных участников хищений — Кузьмин отсутствовал. Объявленный на него розыск никаких результатов не дал.

Из допроса матери Кузьмина мы узнали, что под Москвой в Щелкове проживает ее dochь с мужем, о которых она ранее, видимо умышленно, не упоминала.

В результате удалось узнать, что Кузьмин скрывается в Щелкове, но живет он не у сестры, а у своей знакомой, работающей врачом в местном санитарном пункте. Следователь Дулов направился в Щелково на розыски Кузьмина. Найдя упомянутого врача, он от нее узнал, что Кузьмин выехал на Кавказ и должен вернуться в ночь под новый год. Действительно, в эту ночь он был у нее задержан.

Для окончательного подведения итогов хищений нами была организована бухгалтерская экспертиза, которая, с учетом всего собранного материала по делу — заключений технической, графической, криминалистической экспертиз, показаний всех допрошенных лиц, — дала нам свое заключение. Она определила размер общего материального ущерба, нанесенного государству расхитителями из Лонитомаш.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУНДА

Следователь по важнейшим делам
Прокуратуры Украинской ССР
младший советник юстиции

Д. А. ВИКТОРОВСКИЙ

НАРУШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ПРИКРЫВАЛИ ХИЩЕНИЯ

В прокуратуру г. Киева поступили материалы о хищении крупных средств с расчетного счета № 60017 в городском управлении киевской конторы Госбанка, произведенном работниками, входящей в систему Министерства торговли СССР конторы буфетов и ресторанов Юго-западной ж. д.

Дело это возникло в связи с увольнением за развал работы бывшего главного бухгалтера конторы буфетов и ресторанов Чуйко и назначением нового главного бухгалтера Супикова. Последний, приняв дела, натолкнулся на несколько подозрительных документов, по существу которых имел в виду получить необходимые пояснения от Чуйко. Этот, однако, соспался на бывшего старшего бухгалтера конторы Винк, которая непосредственно осуществляла все денежные операции в Госбанке и одновременно выполняла функции кассира.

58

Однако выяснилось, что Винк, уволившись с работы и бросив квартиру, выехала из Киева в неизвестном направлении. Тогда Супиков лично произвел предварительную сверку движения денежных средств по расчетному счету в Госбанке. Он обнаружил большие расхождения между кассовыми книжными записями и начислением денежных средств на расчетном счете в Госбанке, при том не в пользу конторы буфетов и ресторанов. Подозрение в хищении денег пало на Винк.

Расследованием было установлено, что в марте 1944 г. Винк поступила на работу старшим бухгалтером конторы буфетов и ресторанов Юго-западной ж. д. и вскоре же после этого вошла в преступную связь с главным бухгалтером конторы Чуйко. Сообщая с ним она путем совершения всевозможных подлогов и подделок денежных документов систематически занималась хищением государственных средств, изымая их с упомянутого расчетного счета № 60017.

Хищение денег Винк производила преимущественно по фиктивным денежным чекам, на которых поддельвала подписи руководителей конторы буфетов и ресторанов Юго-западной ж. д. Для беспрепятственного получения крупных денежных сумм и их хищения Винк вошла в соглашение с работниками 2-го операционного отдела Госбанка — контролером Божок, операционистом Федченко и оператором-машинисткой Горячевой. Этим работникам Винк оказывала разные «услуги» — «одолживала» деньги, делала подарки и пр.

Еще на первых порах своей деятельности Винк, уличенная Чуйко в неоприходовании по кассе 5 тыс. руб., полученных ею в Госбанке по чеку, договорилась с Чуйко о том, что она впредь будет оставлять на некоторое время для своего личного оборота получаемые ею в Госбанке деньги по чекам, за что Чуйко будет иметь одну треть с каждой такой суммы. При пропуске к оплате одного из первых фиктивных денежных чеков говор о доле денег имел место также между Винк, контролером Божок и операционистом Федченко.

При наличии должности кассира в штате аппарата конторы Чуйко намеренно передал эти функции Винк. Он поручил ей также все банковские операции, разработку бухгалтерских документов и т. д.

59

РЕПОЗИТОРИЙ ГУРУ

В функции Божок и Федченко входило оформление к оплате денежных чеков. Они обязаны были требовать от клиентов соблюдения всех предусмотренных инструкциями требований, внимательно следить за подписями на документах, используя для этого карточки образцов подписей распорядителей кредитов. Преступно нарушая свой служебный долг, они систематически, вне очереди и беспрепятственно производили выплату крупных денежных сумм по заведомо фиктивным чекам, предъявляемым «благодетельницей». На этих чеках Винк подавала подписи директора конторы, заместителя главного бухгалтера; а в некоторых случаях также и подпись Чуйко. Получаемые в Госбанке деньги Винк не приходила по кассе, а присваивала.

Прежде чем установить все это, мною был произведен в Госбанке осмотр всех чеков, поступивших из конторы буфетов и ресторанов за два с половиной года. Всего я изъял 239 чеков и карточек — образцов подписей. Вопреки банковской инструкции, семь чековых книжек вовсе не были зарегистрированы в этих карточках. Каждый изъятый документ был мною предъявлен в отдельности обвиняемым Чуйко, Божок, Федченко и другим работникам конторы буфетов и ресторанов, а также Госбанка, чьи подписи фигурировали на этих документах.

Это была кропотливая, но весьма необходимая работа, ибо она давала возможность установить принадлежность подписей тому или другому лицу.

Эти следственные действия мною были тщательно оформлены соответствующими процессуальными документами. Лишь после этого указанные документы с отобранными мною образцами подписей и образцами свободных почерков обвиняемых были направлены для графической экспертизы в Киевский научно-исследовательский институт судебной экспертизы. Там вскоре же было установлено, что Винк занималась подделкой подписей на чеках и заявлениях. Хищение денег Винк производила в основном по «своим» чековым книжкам, незаконно полученным ею по фиктивным заявлениям с помощью Божок и Федченко. Эти чековые книжки Божок и Федченко с целью скрытия следов не регистрировали в карточках образцов подписей.

60

Расследованием было установлено, что Винк с группой своих сообщников за два с половиной года получила в Госбанке по 239 чекам большую сумму денег, которые и были ими похищены. Выяснилось также, что операционист и контролер не сличали подписи на чеках с образцами подписей на карточках, слепо доверяя старшим по службе Божок и Федченко.

Вопреки циркуляру управления Госбанка Союза ССР, они производили выплату денег не на цели, необходимые для непосредственной деятельности конторы буфетов и ресторанов. Божок и Федченко разрешали выдачу денег по тем «символам» (указанным в чеках), по которым не требовалось специального контроля со стороны ревизорского аппарата Госбанка, а именно — на стипендии, премии и пр., тогда как на зарплату, выдача которой производится при особом контроле, они за два года пропустили чеки на незначительную сумму. Это показывает, сколь предусмотрительными были преступники, ограждавшие себя от контроля.

Таким образом, систематические хищения, безнаказанно длившиеся на протяжении двух с половиной лет, удавались Винк в результате активного содействия Федченко, Божок и Чуйко.

Неоприходование похищенных денег Винк ловко скрывала. Она систематически представляла в контору буфетов и ресторанов переделанные и фиктивные банковские шифрованные выписки о движении денежных средств по расчетному счету № 60017. В этих выписках за счет уменьшения сальдо по счету № 60017 не указывались чеки, по которым были изъяты деньги в Госбанке.

По слову с Федченко, Винк несколько раз непосредственно от нее получала банковские выписки, которые изготавливались оператором-машинисткой Грачевой на банковской счетной пишущей машинке по черновым записям, составленным и прокорректированным Винк. За это Грачева через Федченко получала деньги от Винк. Впоследствии Федченко связала Винк непосредственно с Грачевой, и она по таким же черновикам продолжала фабриковать для нее фиктивные выписки.

Вручение выписок операторами непосредственно

61

РЕПОЗИТОРИЙ ГУРУ

клиентам было незаконным. Эти выписки вуалировали движение денег по счету.

При проверках предъявлялись только официально зарегистрированные чековые книжки и фиктивные банковские выписки по этому счету, которые точно соответствовали использованным чекам из этих чековых книжек.

Осмотром документов в конторе буфетов и ресторанов и проведенной по делу бухгалтерской экспертизой было установлено, что Винк и Чуйко представляли в Госбанк фиктивные сведения в подтверждение сальдо по Госбанку на каждое первое число нового года.

Таким путем Чуйко и Винк скрывали крупный разрыв между суммами.

Кроме того, следствием было установлено, что Винк, помимо хищения денег по 239 чекам, похитила с помощью разных подлогов более 100 тыс. руб. Это тоже было сделано не без ведома и участия Чуйко. В частности, Винк путем незаконного увеличения суммы в расходных ордерах на взнос денег в Госбанк и путем подчистки и исправлений банковских квитанций излишне списала по кассе и похитила свыше 90 тыс. руб.

За период совместной с Чуйко преступной деятельности Винк вручила ему разновременно около 400 тыс. руб. Божок Винк дала немногим меньше 330—350 тыс. руб. Федченко получила от Винк, помимо ценных подарков, свыше 15 тыс. руб.

Следствием было установлено, что Винк, Чуйко, Божок, Федченко вели разгульный образ жизни, приобретали ценные вещи и т. д.

Следует добавить, что после того, как Чуйко был снят с работы, Винк поняла, что преступления ее могут быть раскрыты. Она уволилась с работы и скрылась из Киева вместе со своей семьей. Предварительно совместно с Чуйко для сокрытия следов преступления она уничтожила ряд денежных документов.

Винк была арестована в Алупке, где она арендовала дачу. При обыске у нее было изъято 26 700 руб., золотые монеты дореволюционной чеканки и много разных золотых изделий и ценных вещей.

Не лишены интереса обстоятельства, при которых, в результате правильно намеченных и разработанных оперативных мероприятий, была задержана Винк.

Из беседы с соседями по квартире Винк было установлено, что она продала обстановку своей квартиры, а ценные вещи упаковала в семь чемоданов и вместе со своими взрослыми детьми — сыном и дочерью (которые, кстати, одновременно уволились по собственному желанию из учреждений, где работали) — выехала из Киева в неизвестном направлении, захватив с собой собаку — немецкую овчарку по кличке «Ирма».

Для того чтобы установить в каком направлении выехала Винк, решено было проверить все багажные квитанции на станции Киев за дни предполагаемого ее выезда.

Но это не дало должных результатов, поскольку, как оказалось позже, Винк отправила свой багаж с помощью владельца арендованной ею в Алупке дачи. Тогда были проверены квитанции железнодорожного сбора за провоз собак. Таким путем удалось обнаружить квитанцию на отправку собаки под кличкой «Ирма» до станции Симферополь.

Выездом на место был разыскан шофер, который доставил пассажиров с киевского поезда на грузовой машине в Алупку, на одну из дач. Шофер указал эту дачу.

Таким образом, в результате тщательного изучения банковских и других документов удалось вскрыть преступления расхитителей социалистической собственности. В значительной степени мы сумели обеспечить возмещение материального ущерба, причиненного государству этими преступниками.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

Следователь по важнейшим делам
Прокуратуры Латвийской ССР
советник юстиции
Л. М. ВУЛЬФСОН

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ОТЛИЧНО ДОПОЛНИВШИЕ ДРУГ ДРУГА

Дело, о котором пойдет речь, относится к числу так называемых «хозяйственных дел». О них еще иногда говорят, как о «скучных» делах, не требующих оперативности, свойственной, скажем, расследованию убийств, трафике и т. п. Все это совсем не так, и в этом мне не раз приходилось убедиться. Приводимый пример — лучшее тому доказательство.

В 1946 г. Министерству рыбной промышленности восточных районов СССР были выделены большие ценности, в связи с чем возникла необходимость в сжатые сроки перебросить их на Дальний Восток, в рыболовецкие организации Тихоокеанского побережья. Для этой цели Министерство решило организовать в Рижском морском порту, — а впоследствии и в Лиепайском, — перевалочную базу.

Грузы должны были двигаться морским путем до Риги. Складирования грузов в Риге следовало по воз-

можности избегать, так как они по разгрузо-погрузочному варианту «борт-вагон» сразу должны были следовать железнодорожной дорогой к месту назначения.

При создании в Прибалтике перевалочной базы было проявлено непростительное легкомыслие к подбору людей, направленных в Ригу. Значительные ценности были доверены проходимцам с уголовным прошлым, хищникам-профессионалам типа «гвардии подполковника» Фридмана, его подручного «полковника» Шмита и им подобным.

Когда рижский порт замерз, Фридман после трех месяцев деятельности в Риге со всем своим «штабом» переместился в незамерзающий морской порт Лиепая, куда теперь стали поступать грузы.

Еще резче, чем в Риге, компания Фридмана стала выделяться в небольшом городе Лиепая. Широкий разгул и крупная картежная игра настойчиво говорили о том, что это нечестные люди.

В этот период прокуратура арестовала бухгалтера базы Пинеса. Арест его был вызван прежними преступлениями, не имевшими отношения к перевалке грузов.

Это событие крайне встревожило всю шайку. Наспех свернув дела в Лиепае, работники базы стали разъезжаться. Фридман был арестован в рижском аэропорту в момент посадки на московский самолет. При аресте у него было изъято 48 тыс. руб. наличными деньгами и аккредитивами.

В тот же день ОБХСС возбудил дело «о хищении грузов на рижской и лиепайской базах Минрыбпрома Востока». Восемь месяцев продолжалось следствие. За восемь месяцев детальным образом был исследован разгульный образ жизни Фридмана и его помощников в Риге и в Лиепая. За восемь месяцев неоднократным допросам подвергался сам Фридман, который отрицал какие-либо хищения на базах. Точно так же вел себя и проходивший по другому делу бухгалтер Пинес, отговаривавшийся абсолютной неосведомленностью о хищении. Восемь месяцев расследования не выявили ни одного преступного действия, хотя сведения, поступившие в ОБХСС, упорно и настойчиво говорили о крупнейших хищениях.

5 «Следственная практика», вып. 2.

65

Попытки установить хищения или хотя бы наличие недостач на базе путем ревизии успехом не увенчались, так как документация была разбросана по ленинградским и московским конторам Минрыбпрома, значительная часть встречных документов еще не поступила с Дальнего Востока, Минрыбпром все еще находился в стадии взаиморасчетов с Министерством внешней торговли, ведавшим финансовой стороной дела, и т. п.

К тому времени, когда дело перешло ко мне, поступил еще ряд сведений, подтверждавших прежние данные о преступном образе жизни Фридмана.

Анонимное письмо сигнализировало о том, что у одного московского приятеля Фридмана хранятся какие-то вещи, в свое время оставленные преступником. Речь шла также о ценных бумагах на сумму в полмиллиона рублей, спрятанных Фридманом у этого же приятеля в Москве.

В Москве я получил два чемодана, оставленные Фридманом.

Помимо ценностей на полмиллиона рублей, в одном из чемоданов была обнаружена полевая сумка Фридмана с рядом документов, относящихся к его личности. Небезинтересно отметить, что осмотр этих документов разоблачил темное прошлое Фридмана, как и то обстоятельство, что Фридман жил и действовал по подложным документам. Оказалось, что он не гвардии подполковник, не многократный орденоносец, а в прошлом — автомеханик одного из сибирских совхозов, куда сумел устроиться во время Великой Отечественной войны.

Однако самым большим достижением осмотра документов, хранившихся в полевой сумке, было обнаружение материального пропуска № 55184, выданного Андреевским районом Рижского морского порта на вывоз семи мест разного груза с базы Минрыбпрома.

Обнаружение этого документа в бумагах Фридмана само по себе еще не давало основания для каких-либо далеко идущих умозаключений, однако одна, будто малозначительная особенность этого пропуска заставила насторожиться. Эта особенность заключалась в том, что в верхней части пропуска было сквозное отверстие неправильной формы, примерно в 2—3 мм., причем это отверстие было окружено лучеобразным разрывом. Такое

66

отверстие листку бумаги могло быть причинено гвоздем, застрявшим проволокой или скожим колющим предметом.

Эта деталь дала повод притти к выводу, что пропуск № 55184, по всей вероятности, был использован; отверстие свидетельствовало о том, что он накалывался. На-прашивался вывод, что если пропуск был использован, то упомянутые в нем семь мест груза были вывезены из базы. Далее намечался вывод, что если использованный Фридманом пропуск был столь тщательно спрятан, то он, очевидно, попал в руки Фридмана каким-то нелегальным путем и был спрятан с целью скрыть самый факт вывоза с базы неизвестных следствию семи мест.

Что именно вывозилось, кому вывозилось, для чего вывозилось и куда эти семь мест девались — вот эти вопросы и надлежало разрешить.

Ясно, что наличие в бумагах Фридмана пропуска № 55184 должно было послужить точкой опоры для исследования всех этих вопросов. Пропуск № 55184 был надлежащим образом описан в соответствующих протоколах изъятия и осмотра, составленных тут же на месте в присутствии понятых и лица, выдавшего вещи Фридмана.

На вопрос о том, почему пропуск № 55184 оказался в его вещах, а не там, где должен был находиться, поскольку он был использован, Фридман, как и следовало ожидать, заявил, что этот пропуск использован не был и что он сохранился у него совершенно случайно.

Следственные действия были направлены одновременно в нескольких направлениях. Необходимо было найти корешок к этому пропуску, заявку на выдачу этого пропуска, следовало изучить систему движения материальных пропусков в Рижском морском порту и найти то предполагаемое колющее приспособление, которым пропуску был причинен разрыв.

После очень кропотливых поисков в одном из шести мешков, в которых в хаотическом состоянии в Рижском порту хранились корешки материальных пропусков, удалось найти корешок за № 55184. Все реквизиты корешка и пропуска совпадали. Кроме того, на корешке имелась подпись кладовщика, подтверждавшая получение самого

5*

67

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМР

пропуска. Таким же путем была обнаружена заявка, написанная рукой бухгалтера Пинеса и подписанная Фридманом. Заявка от имени некоего Баринова гласила о необходимости вывезти с базы семь мест весом в 381 кг с территории Рижского порта для отправки ленинградской конторе Главвестокрыбснаба. На заявке была резолюция начальника района порта «выдать» и пометка «пропуск № 55184».

Было установлено, что Баринов действительно является работником ленинградской конторы, но что он был в Риге по делам конторы задолго до описываемых событий. Далее было установлено, что ленинградская контора никакого груза из Риги не получала. Таким образом, становилось ясным, что заявка фиктивна, что пропуск № 55184 получен не для отправки груза в Ленинград, а для какой-то иной цели, по всей вероятности, преступной. Эту мысль опять-таки подтверждало обнаружение пропуска № 55184 среди личных бумаг Фридмана.

Было еще установлено, что хотя формально материальные пропуска в Рижском морском порту считались документами строгой отчетности, тем не менее невозвратаение выданного пропуска постом охраны проходной будки у администрации порта никакой тревоги не вызвало.

Однако все эти обстоятельства пока еще не исключали версии Фридмана о том, что обнаруженный в его вещах материальный пропуск использован не был. Бухгалтер Пинес, написавший заявку, ссыпался на то, что она составлена по указанию Фридмана для цели, ему неизвестной, а кладовщик, получивший, согласно расписки на корешке, пропуск № 55184, объяснил, что получил этот пропуск по заданию Фридмана и ему же его отдал.

Пропуска на материальные ценности лицами, вывозящими груз, сдавались у контрольных ворот работнику охраны, который вечером сдавал отобранные им материальные пропуска в административно-финансовый отдел порта.

В проходной будке Андреевского района порта было обнаружено приспособление, состоявшее из дощечки с торчащим в ней обыкновенным шестидюймовым гвоздем. На этот гвоздь охранник накалывал сдававшиеся ему после вывоза груза материальные пропуска.

68

Это приспособление — вместе с серией смежных номеру 55184 пропусков (у всех были одинаковые следы прокола в верхней части) я передал эксперту-криминалисту.

На разрешение экспертизы были поставлены следующие вопросы: 1) являются ли дефект и разрыв бумаги в верхней части пропуска № 55184 идентичными с дефектами и разрывами бумаги на представленных экспертизе сравнительных пропусках; 2) каким предметом мог быть причинен разрыв пропуску № 55184 (в верхней части), как и в верхней части тех материальных пропусков, которые представлены экспертизе для сравнения; 3) могли ли быть причинены дефект и разрыв бумаги пропуска № 55184, как и прочим пропускам, представленным экспертизе, гвоздем.

Экспертиза установила, что анализ всех данных, полученных при исследовании пропуска № 55184, позволяет прийти к заключению, что образование отверстия обусловлено проколом бумаги. Для изучения особенностей образования колотых отверстий в том сорте бумаги, из которой изготовлен пропуск № 55184, была произведена серия экспериментов на аналогичных бланках пропусков, которые прокалывались металлическими остроконечными стержнями диаметром от 1 до 6 мм.

При этом экспертиза пришла к заключению, что отверстие в пропуске № 55184 образовано путем прокола остроконечным стержнем диаметром от 2 до 4 мм., который сначала пронзил обратную сторону пропуска, а потом вышел на лицевую. Движение при проколе, как установила экспертиза, сопровождалось легким натягиванием вдоль длинника документа, что обусловило расцепление концов горизонтальных разрывов. Далее экспертиза установила, что отверстие в материальном пропуске № 55184 не отличается от аналогичных отверстий прочих, представленных экспертизе пропусков и что не исключено образование этих отверстий путем прокола именно тем гвоздем, который был изъят в проходной будке Андреевского района порта.

Таким образом, экспертиза только условно подтвердила правильность принятой следствием версии о том, что пропуск № 55184 находился на гвозде в проходной будке, а затем оттуда при каких-то, пока неизвестных

69

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

обстоятельствах был снят и очутился у Фридмана. Для установления этих неизвестных обстоятельств следствие пока данными не располагало.

Из допросов разных лиц, имевших возможность наблюдать деятельность Фридмана и его компании на базе в Рижском порту, выяснилось, что иногда вечерами, с наступлением темноты, к базе подъезжала грузовая автомашинка. Один из работников охраны, бывший солдат латышской дивизии, показал, что с шофером этой грузовой автомашины он встречался в дивизии, где этот шофер также работал водителем. Однако свидетель мог назвать только запомнившееся ему имя этого шофера — «Пауль» и дать только примерное описание его внешности.

Госавтоинспекция представила нам данные о том, что в Риге на автотранспорте работают 23 шофера по имени Пауль. Девять Паулей оказались демобилизованными, а трое из них — демобилизованными из упомянутой дивизии. Госавтоинспекция сообщила, что один из этих трех шоферов — по имени Пауль, а по фамилии Бем, — работает на грузовой автомашине в Министерстве коммунального хозяйства Латвийской ССР, гараж которого находится в Риге, по улице Лачплеша, № 44.

В соседнем доме, а именно по улице Лачплеша № 42, до ареста проживал бухгалтер базы Пинес, а во время расследования настоящего дела продолжал проживать тестя Пинеса, некий Хармац, в прошлом крупный коммерсант. Он вел широкий образ жизни, черпал средства из каких-то неизвестных источников.

Близкое соседство шофера Пауля Бема с квартирой Пинеса, как и совпадение внешних признаков шо夫ера, приезжавшего с Фридманом в порт, с внешностью шофера Бема, дало основание произвести у последнего обыск и доставить его для допроса в прокуратуру.

Внезапность оказалась очень действенной: Бем дал очень подробные показания, и картина преступления после его допроса стала в значительной части полной.

Вот как вырисовывались хищения товаров.

Пауль Бем был старым знакомым Пинеса и его тестя Хармаца. Как-то Пинес, рассказывал Бем, предложил ему подсобный заработок. Согласившись на это, Бем однажды подъехал к морскому порту, где его в услов-

ленном месте ожидал Пинес. Затем машина, управляемая Бемом, в сопровождении Пинеса въехала на территорию порта и остановилась возле базы. Там погрузили тюки, которые в сопровождении Пинеса, Фридмана и Шмита были вывезены за пределы порта.

Бем показывал, что таких случаев было несколько — пять или шесть.

Груз завозился в гараж, находившийся рядом с квартирой Пинеса, где машину уже ожидал Хармац. Тюки, которые содержали дорогие сорта шелка, шелковые чулки и шелковое белье, тут же вскрывались, и похищенный товар частью в чемоданах переносился на квартиру к Хармацу, а частью укладывался в большой двухстворчатый шкаф, специально для этой цели уже раньше привезенный Хармацем и Бемом в гараж.

Этот шкаф, до-отказа набитый похищенным добром, на следующий день развозился Бемом и Хармацем по разным адресам, где его в какие-то квартиры заносили неизвестные Бему сообщники расхитителей. Из этих квартир шкаф выносился обратно и снова грузился на машину в значительно облегченном виде для доставки в следующую точку назначения.

По поводу пропуска № 55184 Бем дал показания, подтвердившие предположение, которое возникло у меня при первом же соприкосновении с этим документом.

Однажды вечером Бем совершил очередную поездку в порт за тюками. Приняв в кузов семь мест, Бем в сопровождении Фридмана проехал контрольные ворота.

Бем хорошо запомнил эту поездку. Пропуск, как он рассказывал на допросе, находился у Фридмана в руках. Кроме того, у сидевшего рядом с ним в кабине Фридмана в руках была германская армейская шапка с белым пушистым мехом. У контрольных ворот Фридман сдал пропуск работнику охраны. Отъехав метров 200 от контрольных ворот, Фридман велел Бему остановиться, вернулся пешком к проходной будке, неся в руке шапку, а затем снова пришел к машине с ранее сданным им пропуском, но без шапки-ушанки. В остальном этот рейс прошел обычно.

По нарядам управления Рижского морского порта были установлены личности трех работников охраны, помимо несших дежурство в тот вечер у контрольных

ворот Андреевского района. Одновременно были произведены обыски у этих трех лиц. Германская зимняя шапка с пышным белым мехом была обнаружена у Анчевского. Согласно наряда он стоял на посту у контрольных ворот Андреевского района с 18 до 24 часов. Анчевский подтвердил показания шоferа Бема и признал, что по просьбе Фридмана вернул ему пропуск, сняв его с гвоздя, и получил взамен изъятую у него при обыске шапку.

Таким образом, заключение экспертизы в совокупности с показаниями Бема и Анчевского прибрело не достаточную ему до того полную достоверность, и все три вида доказательств идеально дополнили одно другое.

По приблизительным датам отдельных поездок шоferа Бема нетрудно было обнаружить соответствующие пропуска. Они, в количестве шести экземпляров, были сданы охраной по принадлежности. При проверке заявлений на эти шесть пропусков выяснилась абсолютная фиктивность и этих документов.

Теперь оставалось реализовать показания Пауля Бема в части сбыта похищенных товаров. Бем не мог назвать адреса, куда им вместе с Хармацием завозился набитый шелком и трикотажем шкаф. Но благодаря своей профессиональной памяти он сумел показать все те дома, куда завозил пресловутый шкаф.

Бем помнил также и тот дом, куда им вместе с Хармацием и еще двумя неизвестными ему участниками хищения шкаф был завезен в последний раз, где этот шкаф предположительно должен был находиться и теперь.

Когда мы прибыли на место, указанное Бемом, перед нами оказался громадный жилой дом с сотнями квартир. Бем определенно указал на один из подъездов этого дома, в котором было 48 квартир. При их проверке, в коридоре квартиры № 37 Бем мгновенно опознал шкаф, служивший столом оригинальной тарой для развозки похищенных товаров по местам их хранения и сбыта.

Собственником шкафа оказался некий Гинзбург, родственник Хармана и Пинеса. Гинзбург не смог отказаться от того, что обнаруженный у него шкаф является его собственностью. На очных ставках с Бемом Гинзбург был вынужден подтвердить использование шкафа для перевозки похищенных товаров, а в дальнейшем признался в

72

в том, что хранил похищавшиеся в порту товары до дальнейшей их реализации Хармацием и другими участниками хищений. Последних следствие обнаружило по адресам, указанным Бемом.

Следствие вышло, если можно так выразиться, на широкий оперативный простор. Этот эпизод, начавший свое следственное существование с миллиметровой дырочки в клочке бумаги, был исследован полностью, а «немые свидетели» — пропуск, гвоздь, шапка и шкаф — оказались самыми красноречивыми.

Сообщники Фридмана и К° под тяжестью улик сознались в хищении грузов и их сбыте. Один лишь Фридман упорно продолжал настаивать на полном неведении о каких-либо преступных делах. Эта его позиция так и не позволила установить, почему он сохранил совершенно не нужный и, так сказать, «предательский» пропуск № 55184.

Описанный эпизод послужил солидной опорой для вскрытия аналогичных хищнических махинаций Фридмана и его компании.

Шайкой было расхищено грузов на весьма значительную сумму. Возмещение ущерба удалось почти полностью обеспечить.

Суду было предано 16 обвиняемых.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУ

Старший следователь
прокуратуры г. Алма-Ата
юрист 1-го класса

А. П. ПЕТРЕНКО

ОПЕРАТИВНОСТЬ И ЧЕТКОСТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ

Следственному отделу прокуратуры г. Алма-Ата стало известно, что ревизия, проведенная торговой инспекцией в мелкооптовой базе розничной сети Горпромторга, в первый же день установила расхождение в 200—300 тыс. руб. между фактическим поступлением выручки в Госбанк и списанием ее по кассе.

Старший бухгалтер базы Тимофеева и кассир Яковleva скрылись.

В связи с этим были мобилизованы все силы нашего следственного аппарата для розыска беглецов и обнаружения их имущества. Одновременно нами была организована параллельная ревизия с помощью работников Министерства финансов.

Яковлеву, несмотря на все принятые меры, обнаружить и задержать не удалось. Что касается Тимофеевой, то, по неофициальным данным, она находилась где-то в городе. Ее приятельница, некая Теляковская,

ходила по знакомым в надежде узнать, в каком положении находится ревизия базы «морса» (так сокращенно называли мелкооптовую базу розничной сети).

Мы узнали, где живет эта Теляковская. Прибывших туда представителей прокуратуры долго не хотели впускать и сделали это только после настоятельного требования.

На вопрос, имеется ли подпол в доме, Теляковский и его жена ответили отрицательно, но сказали, что с улицы есть вход в подвал. Этот подвал был проверен, но там оказались только куры. Тогда были тщательно осмотрены две комнаты квартиры Теляковских. В конце концов удалось обнаружить закрытую половиком нишу, где был ход в подпол. И вот там, в специально вырытой траншее, засыпанной землей, лежала Тимофеева.

В результате быстро и тщательно проведенных обысков у Тимофеевой и ее соучастников было обнаружено и арестовано ценностей и имущества примерно на 1 млн. руб. У одной только Тимофеевой удалось изъять более чем на 0,5 млн. руб. наличных денег и ценностей. На дне колодца во дворе дома, где жила Тимофеева, на полутораметровой глубине нами был найден узелок с золотыми монетами дореволюционной чеканки на 30 тыс. руб.

Часть своего имущества Тимофеева припрятала у своей знакомой Куликовой. У нее был произведен особенно тщательный обыск. В коровнике, примыкавшем к дому, после того как было вынесено около 20 ведер навозной жижи и выброшен навоз, толстым слоем лежавший на деревянном полу, мы сняли доски и прощупали земляной пол сарая щупом, а также проверили его шурфообразными ямами, выкопанными в шахматном порядке. В конце концов в одном из углов коровника, где было больше всего навозной жижи и навоза, под деревянным полом, в земле, на глубине 70 см было обнаружено 130 кусков хозяйственного мыла.

По делу было установлено, что через базу «морса» реализовались по коммерческой стоимости нефтепродукты. Поставщиком нефтепродуктов являлась алма-атинская нефтебаза. По существовавшему положению, база «морса» оплачивала нефтепродукты по плановой стоимо-

сти, а разницу между плановой стоимостью и коммерческой, за вычетом торговой наценки, база «морса» вносила как бюджетную наценку на счет райфинотдела.

Тимофеева, используя это положение, произвела начисление бюджетной наценки за все реализованное горючее в сумме 4 139 818 руб., а фактически перечислила на счет Ленинского райфо меньшую сумму. Разница была ею похищена совместно с кассиром Яковлевой. Кроме того, Тимофеева на счет Ленинского райфо отнесла как бюджетную наценку на нефтепродукты еще 223 тыс. руб.

Из числа методов, которые применяли расхитители, один заслуживает быть особо отмеченным. Кассир Яковleva делала по указанию Тимофеевой приписки во вторых экземплярах накладных, по которым база сдавала деньги в Госбанк. Это делалось преимущественно в тех случаях, когда сдавались небольшие суммы. К трехзначной цифре приписывались нули, и сумма таким образом «вырастала» до сотен тысяч. Для того чтобы «закрепить» эти приписки, Яковлева прикладывала к каждой проводке банковские выписки, напечатанные с помощью специальной, имевшейся только в Госбанке машинки «Астра». В этих фиктивных выписках указывалась та же сумма, что и в подложных (вторых) экземплярах накладных к сдаваемым деньгам (инкассаторским суммам).

Для того чтобы не запутать баланс и не увеличить сальдо по банковским выпискам, в них тоже указывалось, что 100 тыс. руб. перечислены со счета «морса» на счет райфинотдела.

Таким путем Тимофеева совместно с кассиром Яковлевой по фиктивным банковским выпискам и по фиктивным накладным к инкассаторским суммам похитила значительную сумму денег.

В связи с этим надо было установить: кто в Госбанке печатал фиктивные банковские выписки и какое имели отношение к хищению государственных средств работники райфинотдела?

Как выяснилось, в банке к машинке «Астра» имели доступ четыре операционистки. У них на квартирах были немедленно произведены обыски. У одной из них —

79

Евгеньевой нашлось несколько копий с выписок лицевых счетов и несколько записок Тимофеевой на имя некой Юлии Венедиктовны. Это была, как оказалось, Архипова, руководитель группы инкассо Госбанка.

Допросом Евгеньевой и Архиповой было установлено, что Архипова познакомила с Тимофеевой ее знакомая — старший бухгалтер торгового отдела Горпромторга Попова. В день знакомства все они пошли в ресторан. Через несколько дней Тимофеева в сопровождении Поповой пришла к Архиповой в Госбанк, и Попова попросила ее перепечатать для Тимофеевой на машинке «Астра» выписку лицевого счета базы «морса». Архипова при помощи Евгеньевой, с которой она проживала в одном доме и находилась в хороших отношениях, перепечатала на «Астре» нужную выписку лицевого счета и передала ее Тимофеевой.

В дальнейшем Тимофеева стала периодически приходить к Архиповой и та систематически печатала при помощи Евгеньевой фиктивные выписки лицевых счетов. За перепечатку Тимофеева в каждом случае давала Архиповой по 200—300 руб.

Учитывая, что Тимофеева категорически отказалась называть своих соучастников, нами была организована тщательная проверка взаиморасчетов между базой «морса» и райфинотделом. В результате было установлено, что однажды в октябре райфинотдел возвратил базе «морса» 180 тыс. руб. по переоценке парфюмерии на 16 сентября. Это нашло отражение в бухгалтерии райфинотдела и «морса». В делах же старшего инспектора Гриневой документов, дающих основание на возврат этой суммы и ее заключения на возврат, не оказалось. Далее было установлено, что в январе следующего года, по заключению Гриневой, базе «морса» было возвращено по переоценке товаров 218 тыс. руб. Эта сумма была Гриневой возвращена, несмотря на то, что после переоценки парфюмерии на 16 сентября, к моменту возврата денег, никаких переоценок не было и Гриневой в октябре был составлен отчет об итогах переоценки.

При изучении документов, приложенных Гриневой к ее заключению, как основание для возврата 218 тыс. руб., было установлено, что они представляют собой акты инвентаризации на уценку товаров на 16 сентября и от-

77

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

носятся к первому возврату 180 тыс. руб. Таким образом, 218 тыс. руб. Гриневой были возвращены базе «морса» без всяких оснований. Эти 218 тыс. руб., поступившие от райфинотдела на счет базы «морса», были Тимофеевой изъяты из оборота и похищены.

При следующей уценке товаров базе «морса», по заключению той же Гриневой, райфинотдел возвратил 262 тыс. руб., хотя фактически возврату подлежало только 60 тыс. руб. На 202 тыс. руб. Тимофеева представила фиктивные акты переоценок, а после перечисления этой суммы на счет «морса» она в фиктивной банковской выписке по бухгалтерским проводкам эту сумму раздробила и 202 тыс. руб. похитила.

Гринева жила широко. Она была дружна с Тимофеевой и получала от нее подарки. Узнав, что Тимофеева арестована, Гринева, прия на работу в выходной день, уничтожила ряд документов. При обыске выяснилось, что Гринева собиралась бежать и даже подготовила для этого все свои вещи.

При расследовании хищения 218 тыс. руб., незаконно полученных в райфинотделе по переоценке товаров, обнаружилось, что 104 тыс. руб. по проводкам Тимофеевой значились перечисленными через Госбанк торговому отделу Горпромторга. При этом в копии банковского поручения наименование «Торговому отделу Горпромторга» было написано рукой Тимофеевой по основному тексту, а при сличении этой копии банковского поручения с подлинником, находящимся в Госбанке, установлено, что 104 тыс. руб. Тимофеевой на самом деле перечислены магазину № 10 Горпромторга.

При проверке бухгалтерских данных магазина № 10 оказалось, что 104 тыс. руб. действительно поступили, но значатся поступившими от «Топзаготовбыта» в январе. В феврале эти 104 тыс. руб. в магазине № 10 были списаны на основании представленных директором магазина № 10 Евсюковой документов об отпуске на эту сумму шорных изделий «Топзаготовбыту». На самом же деле «Топзаготовбыт» шорных изделий на 104 тыс. руб. от магазина № 10 не получил и денег в сумме 104 тыс. руб. не перечислял.

Фигурировавшая же в магазине доверенность от «Топзаготовбыта» за подпись «Мостовщик» была фиктивной.

Графической экспертизой установлено, что подпись в доверенности «Топзаготовбыта» и подпись в получении шорных изделий сделана Тимофеевой.

Допрошенная по этому эпизоду Тимофеева признала, что 104 тыс. руб. действительно похищены через магазин № 10 Горпромторга.

В процессе следствия было также установлено, что Тимофеева находится в близких отношениях с директром магазина № 10 Евсюковой, которая является ее соучастницей по расхищению государственных средств.

Кроме указанных 104 тыс. руб. Евсюкова совместно с Тимофеевой похитила таким же образом еще несколько десятков тысяч рублей.

В самом начале следствия при обыске на квартире Теляковского, где скрывалась Тимофеева, была обнаружена ее записка на имя некоей Лиды (работницы нефтебазы). В записке было написано: «Перепиши карточку, посылаемую мною тебе, в отпуск продукции, какой у нас значится, задебетируем на наш счет, и выведешь сальдо таким образом — у нас будет разрыв рублей на 95. Дальнейшее будет известно. Принимай меры к ликвидации этого инцидента».

Тимофеева по бухгалтерским проводкам отнесла на счет нефтебазы, как якобы перечисленные ей сверх фактически требуемой и перечисленной суммы, 600 тыс. руб. Однако на нефтебазу эта сумма не поступила. При выверке взаиморасчетов обнаружено, что нефтебаза должна была отпускать нефтепродукты базе «морса» только по коммерческой стоимости, а нефтебаза отпускала нефтепродукты базе «морса» по плановой цене.

Тимофеева, используя это обстоятельство, производила бюджетную наценку и в отчетности показывала, что она будто бы перечисляла нефтебазе за все полученные нефтепродукты полностью их коммерческую стоимость. Фактически же она перечисляла только плановую стоимость, как было указано в счетах нефтебазы.

Дело группы расхитителей было закончено расследованием в течение двух месяцев. К уголовной ответственности было привлечено 22 преступника.

Выстрое и четкое расследование было обеспечено благодаря правильной организации следствия и руководства им.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

Народный следователь прокуратуры
Бодайбинского района
Иркутской области
юрист 3-го класса

В. В. ИСАКИН

КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЫВОДОВ РЕВИЗОРОВ

В моей практике было немало дел о хищении социалистической собственности, интересных по методам их совершения. Расследование их доставляло мне полное удовлетворение, вполне искупавшее те многочисленные трудности, с которыми приходилось встречаться в процессе работы. Одно из таких дел я и хочу здесь описать. Это — дело по обвинению Трифонова и Бухарова, бывших заведующих складами орса Мамского рудоуправления.

В прокуратуру района стали поступать материалы о систематических недостачах продуктов у лиц, сопровождающих грузы в адрес орса Мамского рудоуправления. По некоторым из этих материалов были возбуждены уголовные дела, так как виновность сопровождающих грузы в хищении была доказана. По большинству же материалов невиновность сопровождавших грузы была настолько очевидной, что предположение о хищении с их

80

стороны или хищении в пути кем-либо другим логически было недопустимым. Сопровождающий, получая товары на пристани Витим для доставки их в поселок Мама, не имеет никакой возможности сбывать похищенное дорогой, так как на всем пути имеется лишь один населенный пункт, где караваны почти никогда не останавливаются. Между тем и на этой дистанции недостачи грузов были весьма внушительными.

Некоторые акты о недостачах товаров у сопровождающих грузы орса Мамского рудоуправления в силу своей абсурдности явно свидетельствовали о неблагополучии на складах этого орса, где производилась приемка грузов. Так, например, в одном из таких актов значилась недостача одного кулья муки, вес же недостачи по этому акту определялся в 6000 кг. Ясно, что один куль, как бы велик он ни был, не может вместить в себя 6 т. муки.

Такие случаи были не единичными.

Заведующий складами орса Трифонов был человеком семейным, непьющим, ведущим скромный образ жизни. Он не возбуждал никаких подозрений. К тому же годовая инвентаризация по складам дала результаты, укрепившие репутацию Трифонова как честного человека.

Несмотря на это, меня не оставляли сомнения, которые увеличились после того, как я однажды подсчитал процентное соотношение недостающего количества продуктов к общему количеству отправляемого груза. Результат превзошел все мои ожидания. Во всех случаях недостача составляла 4,5—5 проц. Такая «закономерность» была тем более странной, что грузы в поселок Маму приходили с разных пристаней. Ведь не могли же на всех пристанях отправления одинаково обвещивать людей, сопровождавших грузы?!

Вот почему у меня и возникло предположение, что обвешивает сопровождающих грузы Трифонов.

Проверка исправности весов на складе, которым заведывал Трифонов, не дала ожидаемых результатов. Однажды я проделал такой опыт: по договоренности с начальником пристани были отправлены в Витим железные трубы, которые предварительно были взвешены на складских весах; взвешивание их в Витиме подтвер-

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ

дило, что весы на складе были совершенно правильны-
ми. Оставалось сделать вывод, что Трифонов умышлен-
но обвешивал сдатчиков грузов, совершая какие-то ма-
нипуляции с весами.

Это мое подозрение нашло свое подтверждение в
письме на имя начальника пристани одного из лиц, со-
провождавших грузы. Он писал, что после того, как об-
наружилась недостача муки в количестве 900 кг, он,
желая проверить весы, дважды в отсутствие Трифонова
взвешивался на них. Результаты оказались различными,
причем в первый раз его вес оказался меньше, чем во
второй раз.

В разнице результатов этого взвешивания я увидел
ту же «закономерность», что и при недостаче продуктов.
Однако допросить этого человека мне не удалось, так
как он выехал из района.

Кроме того, от одного рабочего склада я узнал, что
Трифонов действительно обвешивает доставщиков гру-
зов, делая что-то с весами, но что именно, он объяснить
не мог.

На основании решения местных организаций, в адрес
которых, очевидно, также поступали сигналы о небла-
гополучии на складе Трифонова, у последнего была
произведена внезапная ревизия, которая, однако, вновь
подтвердила отсутствие злоупотреблений. После этого
за «честную и добросовестную работу» Трифонов полу-
чил повышение: он был назначен начальником отделе-
ния орса на руднике Мало-Северном.

В связи с этим весной Трифонов стал передавать
склады вновь назначенному заведующему Бухарову.

Однажды, когда передача уже близилась к концу, я
через начальника отделения милиции получил сведения
о том, что накануне вечером, когда со склада ушел
бухгалтер-инвентаризатор, Трифонов и Бухаров перес-
бросили из числа еще не переданной муки 75 куль в
пустой склад, находящийся на берегу реки. Раньше в
этом складе производили засолку мяса, а в период на-
вигации — хранили аварийные грузы. Склад этот за-
крылся на висячий замок, который не пломбировался.

Это уже был серьезный сигнал, подтверждающий
мои подозрения о злоупотреблениях Трифонова. Необ-
ходимо было действовать.

Я понимал, что стоит сделать один неверный шаг —
и все дело будет испорчено. В случае преждевременно-
го изъятия этой спрятанной муки Трифонов мог ска-
зать, что он еще не передал этой муки и, дескать, ни-
какого хищения здесь нет. Поэтому я решил подождать
полного окончания передачи всех продуктов и уже по-
сле этого произвести обыск в береговом складе.

После окончания передачи складов, т. е. через день
после получения сигнала, я вызвал присутствовавшего
при передаче бухгалтера-инвентаризатора и удостове-
рился, что все складские помещения, ключи и пломбир
вручены Бухарову. Не отпуская инвентаризатора, я вы-
звал через милицию Бухарова и в другом кабинете взял
у него расписку в том, что все продукты им полностью
приняты от Трифонова.

Наконец, я вызвал к себе Трифонова и опросил его
по этому вопросу опять-таки отдельно от бухгалтера и
Бухарова. Я и вида не показал, что у меня имеются
какие-то подозрения и что я уже опросил Бухарова и
бухгалтера. Наоборот, беседа с Трифоновым касалась
установления вопроса, все ли передано Бухарову, чтобы
не было потом претензий к нему. Трифонов заверил
меня, что передача полностью уже закончена и никаких
претензий к нему со стороны Бухарова и других подот-
четных лиц быть не может.

Тогда я вместе с ним отправился в склады и стал
производить осмотр в присутствии бухгалтера-инventa-
rizatora. В береговой склад я сразу не пошел, чтобы
не вызвать преждевременного подозрения.

Только после осмотра всех складских помещений я
повел своих спутников к береговому складу.

Бухаров и Трифонов уверяли меня, что склад совер-
шенно пустой и осматривать его нет надобности. Одна-
ко я настойчив на вскрытии склада, где нами и был обна-
ружен 91 куль сортовой муки.

После этого Трифонов и Бухаров были мной немед-
ленно арестованы. Бухаров здесь же сознался, что Три-
фонов передал ему без записи в акт еще бочку топлено-
го масла и несколько бочек с мясом, спрятанных под
бочками с капустой.

В результате тщательного осмотра всех складских
помещений и территории, на которой были расположены

склады, в результате перевешивания всех продуктов мной были обнаружены скрытые от учета ценности на 178 тыс. руб. Общий вес этих товаров составлял 49,5 т.

Похищенные продукты я обнаруживал в самых разных и неожиданных местах. Так, на мельнице, под кулями с мучными и зерновыми сметками, которые Трифонов передал Бухарову в отсутствие представителя бухгалтерии и без взвешивания, были обнаружены 8 кулей разных круп, 57 кулей продовольственной и кормовой муки и даже 9 кг баранины. В леднике, под бочками с соленой капустой, было спрятано 19 бочек с мясом и рыбой, о которых рассказал мне Бухаров на первом допросе. Здесь же, под сгнившей капустой, затаренной в кули и предназначенный к вывозке на свалку, было найдено 5 кулей урюка, 40 кг соленой рыбы и 70 кг свежего мяса. В кипах с хмелем оказалось 639 пачек махорки, спрятанных Трифоновым при передаче. В пожарной бочке с водой, стоявшей около наружной стены одного из складов, нашлось 25 банок консервов. Под опрокинутым железным кузовом вагонетки были найдены 3 кулья сухих фруктов и 70 банок консервов. В штабеле порожних железных бочек, предназначенных к вывозу со склада, путем их остукивания были обнаружены 2 бочки, полные растительного масла, и целый ряд других продуктов. В кладовой мельницы, закрытой на висячий замок и не опломбированной, мы нашли около 14 т овса и ячменя (кстати, оре и рудоуправление, зная, что на складах нет фуражка, требовали высылки фуражка самолетами из Иркутска!).

Осмотревшая кули, я обратил внимание на то обстоятельство, что верхние были совершенно чистыми, а кули, лежащие под ними — испачканы птичьим пометом. Это свидетельствовало о том, что верхние кули были положены не так давно.

Во время переноски кулей на весы я тщательно осмотрел каждый куль и обнаружил на двух из них, лежащих сверху, этикетки Иркутского мелькомбината, из которых явствовало, что в одном куле раньше была мука с датой выбоя «26 июня 47 г.», а в другом — манная крупа с датой выбоя «31 декабря 47 г.». Это доказывало, что кули занесены сюда в период работы Трифонова. Позднее рабочие склада показали, что 2 или

3 т фуражка, предварительно взвешенного, были перенесены ими сюда по распоряжению Трифонова.

Итак, мои подозрения о том, что Трифонов систематически обвешивал сопровождающих грузы, полностью подтвердились.

Однако для меня оставался не совсем ясным вопрос о том, каким же образом Трифонов их обвешивал.

Путем тщательного осмотра весов и допроса свидетелей я установил, что эти трехтонные весы имеют противовес, на чашку которого для баланса накладываются малкие гири, а также небольшая стальная призма, так называемый «весовой нож».

Пользуясь тем, что чашка противовеса не была изолирована, и тем, что прием грузов постоянно производился спешно, Трифонов незаметно снимал с чашки этот «весовой нож», чем нарушил баланс весов. В результате этого весы показывали меньший, чем фактический, вес груза.

Когда не удавался этот прием, Трифонов прибегал к еще более грубому, который заключался в том, что он гирю на большой шкале плеча весов, имеющую деления по 200 кг, ставил зубцами не в прорезь деления, а несколько дальше. Это было совершенно незаметно для глаза.

Кстати сказать, во избежание дальнейших злоупотреблений с весами этой конструкции, мной впоследствии было внесено предложение — изолировать чашку регулирующего рычага специальной крышкой или вообще ее ликвидировать, так как уравновешивание весов возможно и без нее. Весы на складах орса были переконструированы по моему предложению бригадой «МетроВес».

В ходе следствия не были установлены факты реализации похищенных Трифоновым продуктов. Одной из причин этого было то обстоятельство, что Трифонов проработал на складе меньше года и из-за отсутствия навигации не имел возможности сбыть похищенное.

Было ясно, что он, не решаясь сбывать эти продукты в пределах поселка, намеревался в период простоянной навигации «сплавить» их в другие районы с помощью многочисленных знакомых работников водного транспорта.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

Вторым возможным вариантом была реализация продуктов через магазин, которым заведывала его жена. Однако и этот способ ему не удалось использовать, так как жена проработала в магазине до его разоблачения всего один месяц, продукты же, завозимые в магазин со склада, шли через экспедиторов, непричастность которых к хищению мною была установлена.

Бухаров и Трифоновы были приговорены к длительным срокам лишения свободы. В обеспечение конфискации мной был наложен арест на имущество Трифонова, стоимость которого определялась в 45 тыс. руб.

В заключение мне хочется подчеркнуть, что следователь никогда не должен слепо доверять выводам ревизоров и инвентаризаторов. Из-за неумения или нежелания затруднить себя лишней работой они во многом верили Трифонову на слово, не перевешивая всех продуктов, и в результате делали ложные выводы, надолго оттянувшие разоблачение этого крупного хищника социалистической собственности. Мы должны помнить и о возможных случаях прямого сговора между работниками ревизорско-бухгалтерского аппарата и материально-ответственными лицами. Поэтому следователи, имея перед собой материалы ревизии, не должны жалеть труда для того, чтобы лишний раз убедиться в достоверности этих материалов.

Старший следователь
прокуратуры Барановичской области
юрист 2-го класса
Ф. Н. АМЕЛЬЧЕНЯ

УСПЕШНОЕ СОЧЕТАНИЕ РЕВИЗИОННОЙ РАБОТЫ И СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ДОКУМЕНТОВ

В Барановичской области Белорусской ССР были проведены внезапные ревизии всех торговых точек системы потребительской кооперации. Как и по всей области, такая же ревизия была сделана и в Клецком районе, потребсоюз которого как по товарообороту, так и по отсутствию крупных растрат считался передовым. Одним из лучших потребительских обществ этого района-потребсоюза являлось грицевическое сельпо. Председатель сельпо Бобко и старший бухгалтер Куприянов за хорошую организацию работы и полное отсутствие растрат неоднократно получали денежные премии.

Комиссия, производившая проверку этого сельпо, столкнулась с фактом недостачи денег по кассе, однако закончить работу не смогла. Дело в том, что Бобко с провокационной целью во время обеда членов комиссии подставила им вино, а затем заявила в райком партии,

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ

будто комиссия не работает, а занимается пьянством и дискредитирует ее как председателя сельпо.

Приняв дело к своему производству, я разработал план расследования. Прежде всего было решено провести документальную ревизию всей деятельности сельпо с одновременным снятием остатков материальных ценностей на базе и во всех торговых точках. Вместе с тем я решил, не ожидая окончания ревизии, ознакомиться со всей документацией, которая могла представлять интерес.

Сочетание следственного осмотра документов и ревизионной работы целиком себя оправдало.

Изучая документы, я обратил внимание на то, что в ряде актов снятия остатков в магазинах и на базе сельпо имеются исправления в цифровых данных о наличии товаров. Кроме того, акты инвентаризации по ряду магазинов оказались приложенными к балансу не в подлинниках, а в копиях, заверенных только старшим бухгалтером Куприяновым.

Надо было найти подлинники этих актов. Для этого мы произвели тщательный обыск в помещении конторы сельпо, обнаружив эти акты в письменных столах, шкафах и на полках. Там же оказались написанные под копирку вторые экземпляры этих актов, копии с которых были приложены к балансу с исправлениями. Там указывалось большее число товаров, в особенности водки, чем значилось в подлинниках. Так, в одном из актов по базе было исправлено в сторону увеличения наличие водки с 23 на 210 л, в акте по магазину № 10 наличие водки было увеличено с 9 до 39 л и наличие кассы — с 389 до 1360 руб.

По магазину № 2 в акте количество водки было увеличено с 17 до 65 л, а наличие кассы — на 1400 руб. Таким образом, у заведующей этим магазином Хадневич была завуалирована растрата в 5800 руб., у заведующего магазином № 3 Дубина была скрыта растрата в 4700 руб.

Так обстояло дело и в других торговых точках сельпо.

Минимое отсутствие растрат позволило грицевическому сельпо «завоевать» переходящее красное знамя.

Куприянов, изобличенный материалами следствия, признал себя виновным в укрывательстве растратчиков путем совершения подлогов в актах инвентаризации. Делалось это им с целью получения за перевыполнение планов премиального вознаграждения, которое при наличии растрат не выплачивалось.

На это, — признался Куприянов, — я имел установку от главного бухгалтера райпотребсоюза Танюшиной и председателя сельпо Бобко. За год я лично получил свыше 2000 рублей премиальных. Такую же сумму получила и Бобко.

Безнаказанности преступных махинаций в сельпо способствовали круговая порука и семейственность, процветавшие среди его работников.

При глубокой проверке взаимных расчетов сельпо с другими организациями было выявлено, что из полученной за год из комбината «Красная звезда» водки для сельпо не было оприходовано 3745 л. Стоимость этой водки сельпо не была оплачена комбинату, но в то же время балансы сельпо были сведены без указанной debtorsкой задолженности. Тщательно исследуя все обстоятельства, связанные с получением сельпо водки из комбината «Красная звезда», мне удалось вскрыть искусно замаскированное, крупное и организованное хищение кооперативных средств.

Получать водку почти постоянно ездила сама Бобко. Пользуясь «хорошими отношениями» с главным бухгалтером комбината Молочевой и заведующим подвалом Новиком, она вместо водки получала обычно чистый спирт. За эту «услугу» Бобко неоднократно доставляла Молочевой бесплатно муку и промтовары. У себя на дворе, около колодца, с помощью заведующей базой сельпо Стрельчик Бобко разбавляла спирт водой. Таким путем количество водки почти удваивалось. Водка, оказывавшаяся в излишке против счетов поставщика, сбывалась, конечно, без всякой оформления.

Значительная часть водки, получаемой из комбината «Красная звезда», совсем не приходилась по товарным отчетам базы сельпо. Тем самым на базе создавался неучитываемый резерв товаров, за счет которого производилось расхищение различных товаро-материальных ценностей.

Возможность расхищения облегчалась тем, что в нем принимала участие Танюшина. По мере того, как комбинатом доставлялись счета на отпущенную водку, Танюшина отзывала некоторые из них и относила на баланс райпотребсоюза.

Таким образом, кредиторская задолженность по сельпо не отражалась, а так как стоимость неоприходованной водки на базе компенсировала стоимость расхищенных с базы товаро-материальных ценностей, то приходная и расходная части представлявшихся сельпо балансов оказывались сведенными.

Балансы показывали полное благополучие по грицевическому сельпо. В результате этой, тщательно замаскированной преступной деятельности за период немногим больше года в грицевическом сельпо было расхищено значительное количество товаро-материальных ценностей.

Не ограничившись выявлением хищений в сельпо, я занялся подробным изучением хозяйственной деятельности комбината «Красная звезда». Меня интересовало, каким образом Бобко могла получать вместо водки чистый спирт.

Комбинат в тот период в основном вырабатывал патоку и крахмал, а также консервированные овощи. В связи с тем, что в процессе выработки патоки и крахмала остаются отходы картофеля, был организован специальный цех по переработке этих отходов на спирт. Из сообщений рабочих мне стало известно, что некоторые работы в комбинате (заготовка деревянной клепки, изготовление различного оборудования и т. д.) оплачивались спиртом. По ориентировочному подсчету, на это должно было быть израсходовано до 4 тыс. л спирта.

Мною также было установлено, что комбинат в течение двух лет не подвергался ревизии со стороны вышестоящих организаций, а приезжавшие ревизоры во просом учета материальных ценностей не занимались. На основании полученных мною данных я срочно назначил глубокую документальную ревизию всей хозяйственной деятельности комбината «Красная звезда». Были вызваны ревизоры из главного управления Белмясокрахмала.

Еще до прибытия ревизоров я решил проверить, как расход спирта отражался в бухгалтерии. Оказалось, что приобретенные за спирт материальные ценности комбинатом оприходованы, но расходование каких-либо средств на их оплату нигде не отражено. Было установлено, что по личному распоряжению директора комбината Иванова часть спирта, вырабатывавшегося цехом, не приходовалась, а сдавалась в подвал без учета. Цех, оказывается, не имел счетчика-измерителя спирта, а так как сырье, из которого вырабатывался спирт, тоже не учитывалось, то это создавало возможность иметь скрытый резерв спирта.

Дальнейшим расследованием было установлено, что этот спирт систематически расхищался рабочниками комбината с целью личной наживы, а также разбазаривался на оплату различных работ. Как директор комбината Иванов, так и Новик на допросах подтвердили, что спирт ими продавался на сторону, а деньги присваивались.

Причиненный таким путем государству ущерб был весьма значительным.

Мне удалось изъять различные ценности в обеспечение возмещения причиненного ущерба государству и наложить арест на имущество обвиняемых на общую сумму свыше 200 тыс. руб.

По докладу следственного отдела прокуратурой области было написано представление местным организациям о плохом руководстве системой облпотребкооперации, в которой имели место крупные хищения материальных ценностей. В результате этого председатель президиума облпотребсоюза был освобожден от работы.

В связи с этим делом районным прокурорам и следователям был дан ряд методических указаний по вопросам порядка производства обысков, выемок документов, осмотра и приобщения к делу вещественных доказательств, своевременности наложения ареста на имущество в обеспечение причиненного ущерба и т. д.

Кроме того, следственным отделом было создано методическое совещание, на котором перечисленные вопросы методики расследования настоящего дела подверглись всестороннему изучению.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУА

Народный следователь прокуратуры
Саткинского района
Челябинской области
юрист 3-го класса

В. А. БЫКОВ

ОБНАРУЖЕНИЕ АВТОРА АНОНИМНОГО ПИСЬМА СПОСОБСТВОВАЛО РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Почти все жилые дома Сатки построены из дерева, причем строения весьма близко соприкасаются друг с другом, подъезды к домам очень затруднительны, ибо весь город стоит в горах.

Лето выдалось особенно жаркое.

В ночь на 22 мая по неизвестным причинам возник пожар на улице Луначарского. Огонь быстро распространился на соседние дома и строения. К 6 час. утра пожар полностью уничтожил восемь жилых домов с надворными постройками.

Как это бывает нередко, на месте пожарища никаких следов, которые бы говорили о причинах пожара, обнаружить не удалось. По рассказам свидетелей было установлено, что первыми загорелись надворные постройки владения врача Максимова.

Допрошенный мною Максимов ничего существенного о причинах возникновения пожара сказать не мог, но

92

уверял, что в его постройках небрежное обращение с огнем не могло иметь места.

В тот же день Максимов явился в прокуратуру вторично, без вызова, и представил два анонимных письма, которые он получил почтой незадолго до пожара, но внимания на них не обратил, так как счел их за чью-то «дуряцкую шутку». Письма содержали угрозы по адресу Максимова. Неизвестный автор упрекал врача в том, что он берет за лечение взятки. Во втором письме Максимову предлагалось положить за своим домом под стойкой лиственицией 2000 руб. Неизвестный автор письма угрожал, что если он в течение трех дней в указанном месте не положит денег, дом его будет подожжен.

В следующую ночь, т. е. 23 мая, пожар вспыхнул в другом конце города — на Советской улице. Загорелся двухэтажный дом, принадлежащий директору гортопа Вилисову. Существенного вреда пожар не причинил, ибо был быстро замечен и успешно локализован.

При осмотре места происшествия было обнаружено вещественное доказательство — недогоревший пучок луницы, обвязанный лыком и облитый смолой. Он лежал в отверстии амбара со стороны огорода.

Вилисов при допросе также предъявил анонимное письмо, написанное таким же почерком, что и письма, предъявленные врачом Максимовым.

В письме, адресованном «Директору гортопа Вилисову», предлагалось положить на острове Саткинского пруда 1500 руб. Если в течение трех дней Вилисов не положит эти деньги, угрожал автор письма, «дом его будет спален».

Вилисов предложение неизвестного автора письма не выполнил, и на третью ночь со дня получения письма его дом был подожжен.

Таким образом, на второй день после возникновения первого пожара были собраны данные о том, что поджоги совершаются умышленно с целью вымогательства денег.

Это обстоятельство подтвердилось полностью после того, как с 24 мая анонимные письма стали получать и другие граждане, имевшие в Сатке собственные дома.

Так, анонимные письма с угрозами о поджоге получили адвокат Романов, судья Богаров, врач Кикин, гр.-н Савкин и др.

Эти письма встревожили обитателей города.

В ночь на 25 июня, несмотря на круглосуточное дежурство населения, внезапно возник и быстро распространился пожар по Профессиональной улице. Был подожжен дом адвоката Романова. Огонь быстро распространялся на соседние дома.

Пожар был локализован лишь к утру. Сгорело четыре дома, надворные постройки, а также имущество гражданина. Этот поджог причинил убыток в 193 790 руб.

Примерно через месяц после этого пожара в помещении дежурного по милиции было обнаружено анонимное письмо, в котором сообщалось о злоупотреблениях в колбасном цехе Саткинского райпромкомбината. Поскольку в моем производстве уже имелось дело о таких злоупотреблениях, начальник милиции переслал это письмо к нам, в прокуратуру.

Почерк этого письма оказался весьма схожим с почерком, которым были написаны анонимные письма с угрозами о поджогах. Нужно было быстро найти автора анонимок.

Мы решили предъявить работникам комбината полученное из милиции анонимное письмо в расчете, что кто-нибудь опознает почерк, которым оно написано. В проверке самого письма, т. е. фактов, изложенных в нем, не было необходимости, ибо они были уже известны. Однако работники комбината, которым было предъявлено письмо, утверждали, что почерк им совершенно не знаком и что они его впервые встречают.

Тогда было решено по личным делам работников комбината путем изучения почерков выявить лицо, которым были написаны анонимные письма. Увы! — это также положительных результатов не дало.

И все же мы отобрали дела пяти работников, в том числе дело вызвавшего подозрение молодого рабочего Жигалева, недавно вышедшего из заключения, не имеющего постоянного жительства и ночевавшего в помещении колбасного цеха.

Жигалев был вызван на допрос и допрошен по фактам злоупотреблений, изложенным в письме. Ничего су-

щественного по этому вопросу рассказать он не смог, так как ничего преступного в цехе не замечал. Однако Жигалев сообщил, что около месяца тому назад у них работал вожчиком один человек, фамилию которого не знает, рассказывавший ему как раз те факты, о которых написано в анонимном письме.

Сразу же было установлено, что месяц назад уволился с работы вожчик Русин, который по нашей повестке вскоре и явился в прокуратуру. Он заявил, что о злоупотреблении в колбасном цехе ничего не знает.

Попутно Русин заявил, что он неграмотен. Однако мне тут же удалось изобразить его во лжи: в паспорте Русина я обнаружил его собственноручную подпись.

Задержав Русина, я немедленно произвел тщательный обыск в его квартире и надворных постройках. Там удалось обнаружить два письма, написанных им в 1938 г. из военных лагерей своей жене. Почек этих писем оказался тождественным тому, которым были написаны анонимные письма.

При разборке различного мусора, извлеченного из камнина, была обнаружена скомканная бумага, исписанная и исчищенная карандашом. При тщательном осмотре этой бумаги без особого труда удалось прочесть текст. Это был черновик анонимного письма о поджоге дома врача. В мусорной куче, куда выбрасывала сор семья Русина, была обнаружена вторая такая же запись. При осмотре амбара, расположенного во дворе, я обнаружил ведро со смолой, кучу мочалы и луцины.

Допрос жены Русина и ее показания явились решающими для судьбы Русина; она признала, что неоднократно видела, как муж ночью писал какие-то письма. Это же видела, возвращаясь домой из города, дочь Русина. На очной ставке с ними Русин это признал.

В процессе следствия (которое, кстати сказать, велоось в основном только трое суток) выяснилось, почему были безрезультатными попытки задержать преступника, когда он явился в условленное место за деньгами. Выяснилось также, как был подожжен дом адвоката Романова, который в течение 30 суток беспрерывно дежурил около своего участка.

Дом Русина, оказывается, находился на отвесном берегу пруда, и из окна дома был прекрасно виден остров.

Русин вел наблюдение за островом в полевой бинокль (который при обыске стоял на окне и, к нашему стыду, не был замечен). Он увидел, как врач на лодке подъехал к острову и, зайдя на мыс, стал прятать сверток. Но вскоре Русин заметил другую лодку, из которой высадился один человек, а другой уплыл обратно. Русин, конечно, за «добычей» не поехал.

Адвокат Романов также жил рядом с прудом и в свободное время занимался рыбной ловлей. После получения анонимного письма он прекратил рыбную ловлю и, вооружившись ружьем, в течение 30 суток охранял свой дом. О его дежурстве было известно Русину, который беспрерывно следил и ждал удобного момента для выполнения своей угрозы.

Однажды сосед Романова пригласил его порыбачить пару часов, а после этого продолжать дежурство. Русин видел, как Романов поехал с сетями в лодке на другой конец пруда. Дождавшись темноты, задами, через огороды, Русин добрался до коровника. Просунув в оконечко пучок лучины, облитой смолой, Русин другой руки, также просунутой в окно, поджег лучину, бросил ее на пол, посыпав сверху сухим сеном. Затем он задвинул окошечко доской, чтобы пламя сразу не было видно, и незаметно вернулся домой.

Романов обнаружил пожар, когда вышел из лодки и направился к дому.

Так глубокая проверка анонимного письма позволила изобличить опасного преступника, причинившего значительный ущерб государству и гражданам Сатки.

Народный следователь прокуратуры
Сталинского района
г. Молотова
младший юрист

В. М. ДЯТЛОВ

СЛЕДСТВЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПОМОГЛИ РАСКРЫТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Следственный эксперимент — важный тактический прием расследования. Во многих случаях — это единственное средство проверки показаний обвиняемых или свидетелей. Наряду с этим следственный эксперимент может служить для технической проверки возможности совершения того или иного действия обвиняемого. В этом мне пришлось убедиться при расследовании дела некоего Захарова, зверски убившего свою шестилетнюю дочь.

Расследованием этого преступления я занялся случайно. В моем производстве находилось дело бухгалтера одного из домоуправлений — Захаровой, обвинявшейся в растрате.

При выполнении ст. 206 УПК Захарова заявила, что ей не придется предстать перед судом, так как к этому времени она покончит жизнь самоубийством. Она расплакалась и рассказала, что имела единственную девочку, которая осталась с отцом, и что после ее ареста,

97

7 «Следственная практика», вып. 2.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

а именно 29 января, ее дочь Валя утонула в кадке с водой, и что повинен в этом ее муж Захаров.

Мне припомнились свидетельские показания, касающиеся неприязненных взаимоотношений между супружими Захаровыми, и я решил проверить заявление обвиняемой.

У старшего следователя городской прокуратуры я нашел материал «О несчастном случае, повлекшем смерть девочки Захаровой». Материал этот состоял из протокола осмотра места происшествия, заключения судебно-медицинской экспертизы и копии спецдокумента следователя на имя прокурора города.

Из этих документов явствовало, что 29 января Захаров, инженерно-технический работник одного из местных заводов, получил разрешение отправиться домой для стирки белья. Как было установлено, Захаров внес к себе в квартиру десятиведерную кадку, наполнил ее половину холодной водой, поставил надлежащим образом корыто, замочил горячей воде белье, приготовил мыло и пошел за холодной водой к колонке, находящейся в 300 м от квартиры. Холодная вода нужна была для полоскания белья.

По словам Захарова, он, уходя за водой, попросил шестилетнюю dochь Валю закрыть за ним дверь на крючок. Возвратившись, он постучал в дверь, но ему никто не открыл. Он стал стучать сильнее. На стук собрались соседи. Захаров рассказал им, что минут 20 тому назад он пошел за водой, а сейчас dochь, оставшаяся дома, ему не открывает.

Было решено взломать дверь. Глазам вошедших предсталла страшная картина: Валя лежала вниз головой в кадке с водой. Валю быстро вытащили из кадки, но попытки возвратить девочку к жизни были тщетными.

О несчастном случае Захаровым было заявлено в отделение милиции и в прокуратуру. На месте происшествия следователем было установлено, что Валя, оставшись одна в квартире, желая зачерпнуть воду в кадке, подставила к ней табурет, взобралась на него и при зачерпывании воды упала вниз головой.

Кружка, с помощью которой девочка зачерпывала воду, была обнаружена на дне кадки.

Я решил тщательно все перепроверить. Работу я начал с допросов понятых, присутствовавших при осмотре места происшествия, и соседей, обнаруживших вместе с Захаровым труп Вали. Допросы эти, однако, ничего нового не дали.

На месте происшествия я попросил Захарова разместить все предметы в таком порядке, в каком они были при несчастном случае с девочкой. Был произведен, кроме того, повторный, тщательный осмотр места происшествия.

У меня возникло сомнение — могла ли шестилетняя девочка закрыть дверь на крючок?

Рост девочки, как выяснилось, был 110 см., а расстояние от пола до крючка 104 см. При измерении расстояния от пола до дверного крючка Захаров, находившийся рядом со мной, чуть-чуть встревоженно подчеркнул, что Валя была рослая девочка, очень ловкая и что всегда, когда он уходил, она сама закрывала дверь.

Именно эта настойчивость Захарова и заставила меня еще раз обратить особое внимание на дверь и на крючок.

Возвратившись к себе в кабинет, я стал обдумывать все факты, которые до сих пор были установлены. Поведение Захарова казалось вполне естественным, но в то же время и подозрительным. Я решил проверить, не мог ли Захаров каким бы то ни было путем, выйдя из квартиры, закрыть дверь на крючок извне.

Был произведен следственный эксперимент.

Я привязал шпагат к крючку, выйдя из комнаты поднимал его шпагатом в полувертикальное положение, затем закрывал дверь извне и отпускал шпагат. Из этого, однако, ничего не получалось, так как крючок в петельку не попадал, а оставался в прежнем положении, поддерживаемый шпагатом, зажатым между дверью и стойкой косяка. Тогда я произвел другой эксперимент:ставил крючок, находившийся на стойке косяка, в вертикальное положение, выходил из комнаты и с силой закрывал дверь. Оказалось, что при таких условиях крючок

РЕПОЗИТОРИЙ ГУИ

свободно падал в петлю. Этот опыт был мною повторен неоднократно, и каждый раз крючок попадал в петлю.

Дверь закрывалась!

Во время расследования я произвел еще ряд следственных экспериментов.

Зная рост Вали, я пригласил девочку такого же роста и в присутствии судебно-медицинского эксперта проверил, действительно ли нуждалась Вали в табурете при зачерпывании воды из кадки.

Следственный эксперимент показал, что табурет Вале вовсе не был нужен, так как кадка была высотой в 70 см., рост же Вали был 110 см. Девочка свободно зачерпывала кружкой воду из кадки и без табурета. Слегка согнувшись корпусом, девочка доставала кружкой дно кадки. Из этого явствовало, что табурет был подставлен не Валей, а кем-то другим.

Далее, из домовой книги я установил, что на квартире у Захарова проживали две студентки Медицинского института, которых Захаров попросил освободить комнату за несколько дней до смерти Вали.

На допросе студентки показали, что в период проживания их в квартире Захарова последний уходил на работу всегда в 7 час. утра, когда все в квартире спали, и, чтобы никого не беспокоить, закрывал дверь на крючок извне (Захаров это категорически отрицал). Свидетельницы заявили, что Захаров недолюбливал свою dochь; были случаи, когда он украдкой от Вали пил чай с пирожными или бисквитами, а ее не угощал.

Все это убедило меня в том, что Захаров совершил убийство своей дочери.

Захаров упорно отрицал это.

На очных ставках со студентками он признался, что действительно ранее закрывал дверь в квартиру на крючок извне.

Наконец, под давлением собранных мною улик Захаров признался в убийстве своей дочери. Он пояснил, что нарочно, все тщательно обдумав, создал обстановку стирки белья и так расчетливо наполнил кадку водой, чтобы

100

она не пролилась на пол, когда он в ней будет топить девочку. Чтобы скрыть следы преступления, он положил на дно кадки кружку, подставил к кадке табурет, взял ведра и вышел якобы за водой. При выходе он, Захаров, как обычно, закрыл дверь на крючок.

Далее он признал, что к убийству дочери готовился, обдумывая каждый свой шаг, и не допускал мысли, что может быть разоблачен.

Захаров признался в убийстве не только на предварительном следствии, но и на суде.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУЖИ

Следователь по важнейшим делам
Главной прокуратуры
железнодорожного транспорта
советник юстиции
М. Г. ЗАВАЛЕВСКИЙ

СЛЕДСТВИЕ ВОСПОЛНИЛО ПРОБЕЛЫ ДОЗНАНИЯ

В порядке обмена опытом я опишу, как была вскрыта система преступных нарушений правил техники безопасности, вызвавших производственные травмы с тяжелыми исходами, как была вскрыта бездеятельность технадзора и как следствием были восполнены пробелы дознания, произведенного технадзором.

В начале расследования мне не была знакома технология процесса производства, и это, естественно, заставило меня преодолеть ряд трудностей. Я удовлетворен не только тем, что мне удалось раскрыть преступление, но и тем, что в результате расследования были проведены организационные мероприятия, обеспечившие в дальнейшем неуклонное соблюдение правил техники безопасности и положившие конец производственному травматизму в данной отрасли производства.

В то время, когда мне пришлось расследовать это дело, я работал в качестве старшего следователя прокуратуры Одесской железной дороги. Как-то среди дня на-

102

чальник ст. Александровка вызвал меня по телефону и сообщил, что в местном балластном карьере произошел обвал с человеческими жертвами. Моя попытка выяснить подробности происшествия не увенчалась успехом, так как произошло повреждение телефонной линии Одесса—Александровка.

Я выехал в Александровку, куда поездом мне удалось прибыть только в 4 час. утра следующего дня. Там я узнал лишь, что в связи с обвалом карьер норму дневной добычи балласта не выполнил и порожние вагоны остались в карьере до утра для окончания погрузки балласта. В 8 час. утра, через четыре часа после прибытия на ст. Александровка, я с маневровым поездом отправился в карьер. Такое позднее прибытие на место происшествия не входило в мой план действий, так как могла измениться обстановка на месте происшествия, но я рассчитывал на то, что технический инспектор профсоюза на Одесской ж. д. Петренко и госрайинспектор Глухонский уже находятся в карьере и что они, как специалисты, успели разобраться в причинах обвала или по крайней мере приняли меры к сохранению следов на месте обвала.

В 9 ч. 15 м. утра я прибыл к месту добычи балласта в Александровский карьер. Сойдя с паровоза, я увидел вырытый открытый карьер балласта, около которого в 40—50 м на железнодорожном пути стояла группа вагонов и платформ, нагруженных балластом. Никого из людей не было видно.

На расстоянии 10—12 м от входа, в глубине балластного карьера был недействующий грейферный кран, около которого возился человек, оказавшийся помощником машиниста крана Тищенко. Узнав, что я следователь прокуратуры Одесской ж. д., он рассказал мне, что в полдень вступил на работу по добыче балласта в карьере. Машинист грейферного крана Фадеев явился накануне на работу в нетрезвом виде. Руководители карьера, находясь в кабинете, расположенной на расстоянии 2 км от места добычи балласта, не знали, что машинист Фадеев явился пьяным, он же, Тищенко, об этом также никому не сообщил, не желая выдавать Фадеева.

103

РЕПОЗИТОРИЙ ГУИ

Продолжая свой рассказ, Тищенко сообщил мне, что вследствие нетрезвого состояния Фадеева плохо управляемый им кран врезался в незакрепленную балластную стену карьера, этим и был вызван обвал балласта, которым Фадеев был задавлен на смерть, а он, Тищенко, каким-то чудом во время обвала уцелел, хотя тоже находился на кране.

Выяснив у Тищенко, что технические инспекторы, оказываются, еще не прибыли, я решил немедленно приступить к осмотру места происшествия, полагая после этого добраться в контору карьера и вызвать себе в помощник из Одессы технических инспекторов. Я измерил рулеткой стрелу грейферного крана, ширину и длину балластного коридора карьера, высоту балластных стен карьера как по вертикали, так и по горизонтали.

Таким путем было установлено и зафиксировано, что коридор балластного карьера имел ширину до 20 м, длину более 150 м, высота же балластных стен коридора достигала 10—13 м. Осмотром и измерением стрелы грейферного крана, работавшего по механической добыче балласта, было установлено, что этот грейферный кран может снимать балласт на высоте 9 м, не более. Таким образом, грейферный кран по своей конструкции не мог срезать балласт в верхней части стен коридора. Верхний слой балласта должен был образовать нависающий балластный «козырек» толщиной от одного до четырех метров. Между тем при осмотре удалось обнаружить лишь один незначительный по своей величине «козырек».

Осмотр грейферного крана показал, что место машиниста — открытое и находится немного впереди места помощника машиниста, но установить, находился ли кран под обвалом, было невозможно.

Составив протокол осмотра и схематический план места происшествия, я направился в контору карьера для производства дальнейшего исследования этого случая.

В конторе был главный инженер карьера Самсонов, от которого я узнал, что никто из технадзора не приезжал и что труп Фадеева отправлен в больницу. Тут же

104

был отправлен нарочный на ст. Александровка для вызова на Одессы техниспектора. Была также послана телефонограмма и начальнику санитарного участка. Ему предлагалось ожидать прибытия следователя для участия в исследовании трупа погибшего Фадеева. После этого Самсонову было поручено разыскать и вызвать в контору начальника карьера Россовского. Вскоре последний явился в контору. Было заметно, что Россовский находился в нетрезвом состоянии.

Узнав о цели моего приезда, Россовский начал излагать причину обвала в карьере, причем его рассказ почти полностью совпал с рассказом Тищенко. Окончив свой рассказ, Россовский заявил мне, что не стоило следователю прокуратуры специально выезжать в карьер из-за гибели какого-то пьяницы и что здесь, по его мнению, и расследовать-то нечего, ибо и так все ясно.

Я приступил к допросу главного инженера карьера Самсонова. Но ничего нового установить мне не удалось.

Самсонов вынужден был подтвердить мой вывод о недостаточной высоте стрелы крана, неизбежности образования на месте добычи нависающих «козырьков». По словам Самсонова, «козырьки» время от времени взрываются, и, таким образом, нависание балласта не вызывает угрозы для работающих в карьере.

Я потребовал материалы по организации подрывных работ, но, кроме инструкций о порядке производства этих работ, мне больше ничего предъявлено не было. Самсонов вынужден был признать, что в действительности подрывные работы в карьере не производились. В это время в комнату открылась дверь и к нам вошел начальник карьера Россовский. На повторный вопрос Самсонову и на одновременный вопрос Россовскому (успешнему к этому времени пропретреться) о способе удаления балластных «козырьков» Россовский заявил, что производство взрывов балластных козырьков связано с длительной затратой времени на подготовительные работы, а это отражается на выполнении плана добычи балласта. Поэтому он и Самсонов уничтожали «козырьки» такими методами: специально назначаемый на эту работу рабочий обвязывался веревкой, конец которой держали другие ра-

105

бочие, становился наверху балластного «козырька» и лопатой сбивал его. В момент, когда балласт начинал обваливаться, рабочий успевал отскочить назад сам или же оттягивался за веревку другими рабочими.

Россовский и Самсонов признали, что такая практика уничтожения глыб нависающего балласта запрещена технической инструкцией Государственной горнотехнической инспекции, но тут же заявили, что случаев падения рабочих, сбивавших «козырек», никогда не было и что этот незаконный метод нельзя увязать со смертью Фадеева, так как Фадеев не являлся рядовым рабочим, а машинистом крана, и что он как машинист, никогда на уничтожение нависающих «козырьков» балласта не направлялся.

Вскоре по моему вызову в карьер прибыли технические инспекторы Петренко и Глухонький, которые предварительно ознакомились с добытыми следствием сведениями, касающимися обвала, и произвели техническое исследование случая. Сам же я выехал на ст. Вознесенск в железнодорожную больницу для осмотра трупа Фадеева.

Судебно-медицинское исследование трупа исключало факт опьянения Фадеева перед смертью. Следовательно, показания о том, что Фадеев находился на работе в нетрезвом состоянии, были опровергнуты, а это исключало версию о наличии несчастного случая по вине самого потерпевшего из-за опьянения.

Техническое исследование обвала в карьере ничего нового в расследование не внесло, оно подтвердило лишь факт применения запрещенного способа работы — сбивания «козырьков» лопатами. Таким образом, случай обвала со смертельным исходом продолжал оставаться невыясненным, если не считать сомнительной версии о том, что машинист Фадеев врезался краном в балластную стенку, вызвал этим обвал и погиб.

Эта версия не была опровергнута объективными данными расследования. Но мне как следователю она казалась очень сомнительной. В частности, казалось непонятным, каким образом при обвале спасся помощник машиниста Тищенко?

Размышляя о том, каким образом установить действительные обстоятельства гибели Фадеева, я решил более тщательно проверить все случаи травматизма в карьере. При этом имелось в виду, что введенная администрацией карьера незаконная практика сбрасывания «козырьков» могла вызвать не один, а несколько несчастных случаев. Я потребовал журнал регистрации травматических случаев на добыче балласта, полагая, что если в журнале обнаружится запись аналогичных случаев обвала с травмами рабочих, то допросом последних удастся установить причины травм и вместе с тем вскрыть систему преступного нарушения правил техники безопасности.

Однако в книге регистрации несчастных случаев никаких записей не было. Осмотр книги был оформлен надлежащим протоколом. Технические инспекторы заявили, что случаи производственного травматизма ими на данном производстве никогда зарегистрированы не были, несмотря на неоднократное посещение карьера.

Карьер обслуживается медпунктом на месте работ. И здесь я никакой регистрации не обнаружил. Медсестра пункта заявила, что регистрацию больных она не производит, а если кто-либо требует более серьезной помощи, то она направляет его в поликлинику на ст. Вознесенск.

Я решил проверить регистрацию по поликлинике ст. Вознесенск. Связавшись с поликлиникой, я установил, что имеется семь случаев записи производственного травматизма в карьере, вызвавшего тяжелые ранения пострадавших. Карточки регистрации случаев были подробно заполнены, и на них имелись отметки о направлении пострадавших на излечение в железнодорожную больницу.

Сейчас же были принятые меры к розыску и допросу пострадавших.

Дальнейшее следствие показало, что при работе грейферного крана на добыче балласта действительно образовывались нависающие «козырьки», что администрация карьера в лице начальника карьера Россовского и главного инженера Самсонова подрывных работ по уничтожению

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРФИ

жению нависающих «козырьков» не производила, а практиковала уничтожение «козырьков» сбрасыванием их сверху. Поскольку этот метод также требовал затраты времени на привязывание рабочих, отрыва других рабочих для держания веревок, поскольку Россовский и Самсонов с целью ускорения добычи балласта придумали другой метод уничтожения балластных «козырьков».

Они изготовили восьмиметровые шесты, к которым приделали длинные, металлические острые наконечники. Этими шестами рабочие подбивали нависшие «козырьки». Взяв такое копье, рабочий становился в балластный коридор карьера под «козырьком», копьем снизу начинал подбивать нависшую глыбу балласта. Когда «козырек» балласта начинал обваливаться, рабочий быстро выбегал из-под падающего балласта. Если рабочий не успевал выбежать и его заваливало обрушившейся массой песка, то находившиеся вблизи рабочие прибегали на помощь и успевали откопать заваленных балластом. Все же некоторые рабочие, заваленные во время «подбоя», получили повреждения и длительный период времени оставались нетрудоспособными.

Россовский и Самсонов упорно отрицали применение ими описанных выше, явно незаконных и опасных методов добычи балласта. Не отвергая на этот раз, что в карьере имели место случаи травматизма, они заявили, что травмы были вызваны неосторожностью самих пострадавших, которые, повидимому, самовольно нарушили процесс добычи балласта.

С помощью рабочих карьера мне удалось обнаружить замаскированными недалеко от места добычи четыре шеста с копьями, служившими для «подбоя» «козырьков».

Эти вещественные доказательства замкнули круг добытых мной доказательств. Россовский и Самсонов вынуждены были признать факты нарушения правил технологии безопасности и тяжелых производственных травм, которые в карьере скрывались из-за преступного бездействия технадзора.

По материалам произведенного мной расследования можно было предъявить Россовскому и Самсонову обви-

108

нение и предать их суду. Однако последний обвал, вызвавший смерть Фадеева, фактически не был достаточно исследован, а предположение о том, что Фадеев стал жертвой применения запрещенных методов «подбоя», не было подкреплено какими-либо доказательствами.

Хaos в ведении табелей работ затруднил установление тех подсобных рабочих, которые работали в день несчастного случая у грейферного крана на ручной откатке балласта и погрузке его в вагоны. Все же опросом рабочих (а их работало в карьере значительное число) удалось выяснить, что в этой смене подсобным рабочим работал некий Пономаренко, который во время расследования отсутствовал, находясь в отпуске.

Принятыми мерами Пономаренко был разыскан в соседнем районе — по месту жительства своих родных.

На допросе он показал, что в день гибели Фадеева действительно работал около грейферного крана. Когда кран снял определенный участок балласта, образовался большой «козырек». Кран прекратил работу, ибо требовалось удалить этот «козырек».

Находившиеся у места работ начальник карьера Россовский и главный инженер Самсонов предложили ему, Пономаренко, копьем подбить «козырек» и этим дать возможность продвигать кран для дальнейшей добычи. Но поскольку «козырек» был очень большой, он, Пономаренко, боясь быть задавленным обвалом, отказался пойти на «подбой». «Козырек» оставался неподбитым, кран не мог продолжать работу, этим срывалась добыча балласта. Машинист Фадеев, чтобы ускорить ход работ, сошел с крана, взял копье и сам начал подбивать «козырек». В это время произошел обвал только части «козырека» и под балластом был засыпан Фадеев. Пономаренко и помощник машиниста Тищенко откопали Фадеева, который был еще жив. В это время произошел второй обвал. Пономаренко и Тищенко успели отбежать в сторону, а лежавшего Фадеева вторично засыпало балластом. Когда его откопали, он был уже мертв.

Показания Пономаренко нашли свое подтверждение при допросе Тищенко, который заявил, что версия о том, будто бы Фадеев находился на работе в нетрезвом состо-

109

янии, выдумана Россовским, а им, Фадеевым, поддерживалась, ибо он не хотел спорить с начальством.

Под давлением столь веских улик Россовский и Самсонов подтвердили обстоятельства дела и свою вину признали: оба они были привлечены к уголовной ответственности и осуждены линейным судом.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
9. А. Миронова. Хищения раскрыты в результате исследования первичных документов	3
А. В. Дулов. Опыт расследования по делам о выпуске недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции	23
К. П. Крылов. Плановость — залог успеха расследования	39
Б. С. Меламед. Решающее значение организации следственной работы	51
Д. А. Викторовский. Нарушения финансовой дисциплины прикрывали хищения	58
Л. М. Вульфсон. Доказательства, отлично дополнившие друг друга	64
А. П. Петренко. Оперативность и четкость расследования	74
В. В. Исакин. Критическая оценка выводов ревизоров	80
Ф. И. Амельчена. Успешное сочетание ревизионной работы и следственного осмотра документов	87
В. А. Быков. Обнаружение автора анонимного письма способствовало раскрытию преступления	92
В. М. Дятлов. Следственные эксперименты помогли раскрыть преступление	97
М. Г. Завалевский. Следствие восполнило пробелы дознания	102

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРОС

Дирекция Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики
Прокуратуры СССР просит прокурорских и следственных работников присыпать свои замечания по материалам, помещенным в «Следственной практике».
Адрес института: Москва, 151, Можайское шоссе, 37/45.

Редактор П. А. Лупинская

Техн. редактор А. Н. Макарова

Сдано в набор 22/IV 1950 г. Подписано к печати 13/V 1950 г. Бумага 84×108^{1/2}
1,75 бумажных, 5,74 печатных листов, Уч.-изд. л. 5,2. В печ. л. 35.200 зв.
А01306. Зак. 740. Тираж 8000. Бесплатно

20-я типография «Союзполиграфпрома» Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР Москва, Ново-Алексеевская, 52